

Елена
Арсеньева

Черная
карта судьбы

Елена Арсеньевна Арсеньева
Черная карта судьбы
Серия «Дети Грозы», книга 4
Серия «Любовь и тайна»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37675237

Черная карта судьбы / Елена Арсеньева: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-098997-3

Аннотация

Черную карту из своей колоды выбросила Судьба для Лизы Морозовой... Друг за другом ушли из жизни мать Лизы, любимая тетя Женечка и ее муж. Юная лейтенант милиции не связывала воедино эти события – пока на ее пути не встал загадочный человек, который сообщил, что все трое пали жертвами страшной мести и еще двое из их семьи скоро тоже умрут в мучениях. Мстят, поняла девушка, не нынешние преступники, которых она сажала за решетку, а кто-то из далекого прошлого. Ведь она и ее отец – потомки могучего колдуна Грозы, погибшего в неравной борьбе со злом...

Содержание

Пролог

5

Конец ознакомительного фрагмента.

104

Елена Арсеньева

Черная карта судьбы

*Есть на небесах Бог, открывающий тайны.
Книга пророка Даниила*

*Что пользы человеку, если он завоеует мир, но
потеряет при этом душу?
Евангелие от Матфея*

Пролог

Москва, 1991 год

...Выступление знаменитого Антона Каширского шло своим чередом. На сцене стояли загипнотизированные зрители, некоторых из них Каширский уже избавил от болезней, считавшихся неизлечимыми. Зрительный зал был в восторге и ожидал очередных чудесных исцелений. Внезапно в третьем ряду поднялся высокий широкоплечий мужчина и крикнул:

– Это все, конечно, очень здорово, только начинает надоедать. Мы что, в поликлинику на прием пришли? Билетики-то не дешевые! Покажите настоящие чудеса! Как Дэвид Копперфильд. Слышали о таком?

В зале снова зашумели. Это имя было знакомо всем. В минувшем году телевидение показало серию совершенно ошеломляющих фильмов о знаменитом американском фокуснике. Впрочем, слово «фокусы» сюда мало подходило. Скорее, это было похоже на волшебство. И, хоть в прессе появилось множество статей, раскрывающих тайны и зеркал, и тросов, и дыма, и ящичков с двойным дном, и прочих выдумок Копперфильда, это не ослабило восторгов публики.

– Разумеется, я о нем слышал, – ответил Каширский. – Но Копперфильд – иллюзионист, а я – гипнотизер. По-моему, фокусы Копперфильда – это пустая трата очень больших денег. От его фокусов никому ни жарко ни холодно, пользы они не приносят, только развлекают.

– Да мне лично от ваших исцелений тоже не жарко и не холодно, – выкрикнул недовольный зритель. – Я здоров как бык! Но скоро заболею со скуки. Покажите что-нибудь по-эффектней, чем вся эта знахарская ерундятина.

Каширский задумчиво посмотрел на него, нахмурился было, но тотчас улыбнулся и решительно сказал:

– Хорошо. Я прикажу одному из тех, кто стоит на сцене... Ну, притягивать металл, что ли. Это вас устроит?

– Как это – притягивать металл? – удивился зритель.

– Да очень просто, – пожал плечами Каширский. – Сейчас сами увидите. Только выберите кого-нибудь из загипнотизированных, чтобы он исполнил роль магнита. Да-да, сами выбирайте. Не хочу, чтобы меня упрекали, будто я использую подставных лиц.

Зритель несколько мгновений раздумывал, а потом крикнул:

– А вот эта блондиночка в черном платье пусть притягивает железяки!

Каширский положил руку на плечо светловолосой женщине, стоявшей с таким же отрешенным видом, как и прочие загипнотизированные:

– Вы о ней говорите?

– О ней, о ней! – подтвердил неугомонный зритель.

– Ну что же... – покладисто кивнул Каширский и обратился к женщине: – Как вас зовут?

– Мила Павловская, – проговорила она тусклым безжизненным голосом.

– Мила, вы боитесь того, что сейчас произойдет? – спросил Каширский.

Та покачала головой.

– А вы не хотите спросить, что именно я собираюсь сделать?

Блондинка снова покачала головой. Весь ее вид говорил о полностью подавленной воле.

– Ну что же, уважаемые зрители, – воскликнул Каширский, непрерывно фиксируя взглядом Милу Павловскую. – Вот вам чудо! Начнем с мелочи.

Он простер одну руку к женщине, другую к залу – и замер.

Внезапно раздался свист и звон. Эти звуки издавали вихри монет, которые вдруг начали вылетать из карманов людей, стоявших на сцене, и устремляться к Миле Павловской.

Тотчас раздали испуганные вскрики в первых рядах: там зрители тоже начали расставаться с мелочью! Вот задержались, хватаясь за карманы, сидевшие и в пятом, десятом ряду... Лиза почувствовала, что ее сумочка сотрясается. Мелочь рвалась из кошелька, но и он, и сумка были надежно застегнуты.

Между тем монеты – старые, десятикопеечные и полтинники, и новые, уже в этом году выпущенные пяти- и десятирублевые, – прилипали к рукам и груди Милы Павловской, не касаясь только лица, так что буквально через минуту она казалась облаченной в некие серебристо-медные доспехи.

Зал испустил единодушный вопль изумления и восторга.

Вдруг Лиза увидела, как отрешенное выражение на миг соскользнуло с лица Милы Павловской и ее рот изогнулся в издевательской ухмылке. Казалось, она сдернула было с лица маску безучастной покорности – но тотчас натянула ее снова.

Она не загнипнотизирована. Каширский тут ни при чем. Эта Мила Павловская проделывает все самостоятельно.

Самостоятельно? Какой же силой она обладает?

Мила Павловская...

Лиза вцепилась в ручки кресла. Хотелось бежать, бежать отсюда, но она не смогла бы сдвинуться с места.

Ужас заставил ее окаменеть!

Она не верила своим глазам – вернее, не желая верить. Несколько раз зажмурилась, по-детски надеясь, что страшное зрелище рассеется как туман, развеется как дым, но эта маленькая, изящная женщина со светлыми волосами, облепленная монетами, не хотела исчезать.

Не хотела исчезать?

Не хотела умирать!

Нет, не может быть...

Мила Павловская. Светлые волосы. Темные глаза. Это не

может быть та, которая... о которой так страшно вспоминать.

Ту звали иначе! У нее были темные волосы и голубые глаза!

Лиза цеплялась за эту мысль, чувствуя, что только она способна удержать от панического вопля и бегства. Если она встанет... если Мила Павловская увидит ее и узнает...

Мила Павловская?!

Это она. И она нарочно назвалась этим именем, так отчетливо намекаящим на ее подлинное имя!

Это было так очевидно!

Почему, почему Лиза не догадалась раньше, когда еще можно было скрыться?! А теперь... А теперь останется только снова вступить в битву, которую ты уже считала выигранной.

Напрасно! Всё только начинается!

Или она ошиблась? Господи, сделай так, чтобы она ошиблась!

Между тем Каширский взмахнул руками, и блондинка повторила этот жест.

В то же мгновение с запястья гипнотизера сорвался, сам собой расстегнувшись, браслет с часами и повис на запястье Милы Павловской. И вот уже к ней полетели часы и часики, браслеты, цепочки и даже кольца, которые только что принадлежали зрителям с первых рядов.

– Да это грабеж! – завопил кто-то в зале, и Каширский,

словно спохватившись, резко опустил руки.

То же сделала и Мила Павловская. Сейчас же вихрь металла, рвавший к ней, потерял свою силу, и все предметы попадали на пол, на колени к сидящим, между креслами. Монеты, облепившие тело Милы Павловской, со звоном свалились на пол, раскатились по сцене.

Поднялась суматоха! Кто-то пытался отыскать между креслами свою пропавшую вещь, кто-то отнимал ее у соседа, который решил, что, если чужие часы или перстень упали к нему на колени, значит, они теперь принадлежат ему.

Каширский пытался успокоить людей, крича что-то в микрофон, который тоже улетел к женщине-магниту, а потом упал на пол, отчего, вероятно, и испортился, потому что ни слова не было слышно. Загипнотизированные люди, оставшиеся на сцене, растерянно мотались из стороны в сторону, еще не вполне выйдя из транса, который, впрочем, утратил прежнюю силу, а Мила Павловская...

Она стояла на краю сцены и хохотала, так и заходила, просто-таки корчилась от смеха, глядя в зал. Невыразимое презрение и наслаждение происходящим – эти два выражения сменялись на ее лице, и Лиза окончательно уверилась в том, что не ошиблась, угадала.

Светлые волосы – это парик.

Глаза стали темными благодаря линзам.

Это она.

Кошмар воскрес!..

Но вдруг Лиза заметила, что Мила Павловская перестала хохотать и уставилась на седого человека в синей куртке, который устроился на ступеньках неподалеку от сцены.

Теперь он стоял выпрямившись и смотрел на Павловскую. Потом поднял руку, и лицо женщины исказилось ужасом.

Она узнала его! И Лиза узнала тоже...

В это мгновение из его руки вырвался огонь.

Москва, 1983 год

Дрожь, нервную, трусливую дрожь, которой следовало бы стыдиться, но которая была вполне естественной реакцией на случившееся, тебе удастся унять только в самолете.

Кажется, все хвосты отрублены. Кажется, больше никто не вынюхивает твой след. Во всяком случае, пока! Однако расслабляться нельзя. Конечно, знаменитая Джина, которой ты верно служила, – сущая проходимица и шарлатанка, однако шарлатанка с огромными связями. И Джина сама про себя всё знает, Джина прекрасно понимает, что она никто без своей свиты этих покорных ассистентов, которые и обеспечивали ее удачу. Потому что они действительно владели силой, они были в самом деле могучи, а сама «великая целительница» была из тех, о которых сложен едкий анекдотец: если вы пришли к гадалке, стучитесь, а она из-за двери спрашивает: «Кто там?», – сразу поворачивайте обратно!

Однако Джина непотопляема. Она спокойно выживала

при прежнем властителе страны, выживет и при этом, и при следующих, которые придут на смену. Но как быть тем, кого она сдала, обвинив во всех своих ошибках, лишь бы выкарабкаться самой? Как быть тем, кого она фактически обвинила в стремительно наступающей смерти человека, которого сама обязалась охранять всей силой своего магического могущества?

Но ведь глава давно, даже не годы, а десятилетия был болен, неизлечимо болен! А уж в последнее время здоровье его стало настолько плохим, что большую часть времени он работал в загородном доме, не вставая с постели. Эта тяжкая болезнь лишила его организм иммунитета, и даже простуда могла превратиться в смертельную опасность.

О нет, Джина все это знала. В гороскопах и предсказаниях, которые делали ее помощники, она могла увидеть даже точную дату смерти правителя. И все же сулила ему успешное выздоровление, долгую жизнь. Но в июле и августе 1983 года, когда даже с закрытыми глазами стала видна близкая смерть этого человека – ему осталось полгода! – и об этом теперь знали все врачи, и не только врачи, Джина бросилась каяться. Она уверяла, что сама была обманута теми, кто подавал ей неверные сведения о состоянии здоровья главы государства. А поскольку она давно стала в Кремле своим человеком, ее пожалели. Но кого-то же надо было наказать!

И она швырнула своих помощников в такую топку, что даже все их несомненное магическое могущество не могло

им помочь.

Можно остановить человека, который стреляет в тебя в упор, глядя при этом в глаза. Да, его можно остановить, если у тебя дар! Но снайпера, который тебе не виден, которому ты не сможешь посмотреть в глаза, ты остановить не сможешь.

Поэтому лучше не оказываться мишенью. Лучше скрыться! Бежать!

Бежал, спасая жизнь, Антон Каширский. Бежал Алексей Чумаков. Бежал Юлий Долгов. Бежали Никита и Марина Леваковы. Теперь бежишь и ты.

...Ты уже почти смирилась с мыслью о том, что все потеряно, но сожаление об утраченном, несбывшемся снова разворачивает в воспоминаниях свои тугие сверкающие кольца и снова сжимает тебя той же мертвой хваткой.

Ведь казалось, приближение к власти, к подлинной власти и могуществу уже близко, и можно накормить наконец этим лакомым блюдом не только свое изголодавшееся честолюбие, но и честолюбие своего убитого отца, и честолюбие матери, которая умерла от зависти к чужим успехам...

Говорят, что люди, обладающие сверхъестественными способностями, смотрят свысока на мирские блага, они живут чистым оккультизмом и магией, как художники – чистым искусством. Ничуть не бывало! Талант обитает не рядом с его носителями, а внутри их тел, которые требуют не только пищи и питья, но имеют порою изощренные потребности. Например, такие, как у поэта и у великого мага Ан-

тичности Вергилия. Он потрясал воображение современников, ему подчинялись стихии, он спас однажды римскую крепость от варваров, внушив им, что началось ужасное наводнение. Для защиты основанного им Неаполя он создал бронзовых воинов; изваял в подарок городу Риму и установил на Капитолии удивительную статую: она звонила в колокол в случае тревоги и сама поворачивалась в ту сторону, откуда надвигался неприятель. Он изготовил чудесное зеркало, которое отражало всё, что происходило в мире, вечно горящую лампу и много всяких удивительных предметов, однако сам он находил отдохновение лишь в уединении своего сада. Сад этот не имел ограды и был окружен воздушной стеной, которую никто не мог преодолеть без разрешения хозяина. Однако разрешения такого Вергилий никому не давал, поэтому всем его знакомым приходилось тешиться только слухами об этом восхитительном уголке, в котором круглый год цвели и плодоносили все растения, какие только есть на земле, где были собраны все целебные травы, какие только существуют в природе. Рассказывали также, что в этом саду воздвигнуты статуи прекрасных женщин и юношей, которые оживали по желанию Вергилия и тешили его плоть, ибо он был двуполым в своих страстях. Он никогда не открывал объятий живым людям, ибо его раздражала непредсказуемость человеческих страстей. Он опасался, что живые чувства разяют его, подобно злокачественной лихорадке. Другое дело – управлять любовью кукол, оживающих лишь тогда, когда

они тебе нужны!

Но владеть душами людей куда сложнее, чем оживлять кукол. И это не только дает величайшее наслаждение тому, кто алчет всемогущества, – это может сломать его, привести на край гибели. Однако от этой страсти не избавиться, ее ничем не заменить. И, как ни таишь ее, она рано или поздно тебя выдаст! Можно купить билет на самолет по фальшивым документам, чтобы уйти от слезки, но суть своей природы, привыкшей – нет, рожденной! – рожденной властвовать людьми, ты не изменишь!

Дар Людмилы Абрамец, твоей матери, рядом с которой прошла твоя жизнь, был крошечным. Дар отца, Павла Меца, которого иногда почему-то называли Ромашовым и который является тебе только в сновидениях, – великим. Но никто из них не получил ни крошечного, ни великого признания, а ведь именно об этом они мечтали. Ах, как зависть к чужой славе сжигала мать! Она завидовала даже тебе, родной дочери. А вот отец мечтал о мести больше, чем о величии. Это его и погубило. И, что самое ужасное, он был убит, зная, что те, кому он хотел отомстить, остались живы...

И ты понимаешь, что эта месть завещана тебе, она осталась тебе в наследство, так же, как его великий дар... Вот только ты не знаешь, кому надо мстить и где эти люди находятся. Сначала их следует найти. Но тебе не до того! Ты забываешь о завещании отца и с упоением занимаешься своими делами, вернее, лезешь в чужие дела, лелеешь свое често-

любие. А потом происходит то, что происходит: ты терпишь крушение и спасаешься бегством, и внезапно приходит прозрение: а что, если тебя постигла такая чудовищная неудача лишь потому, что собственные игрища оказались для тебя важнее завещания отца? Что, если тебя постигла неудача лишь потому, что силы, которые его погубили, губят и тебя? И тебе не достигнуть того, чего ты желаешь больше всего на свете: безграничной, ничем не сдерживаемой власти над людьми! – до тех пор, пока ты не исполнишь завещание отца и не уничтожишь ваших врагов?

Ты размышляешь над этим все восемь с половиной часов полета от Москвы до Хабаровска.

Но вот самолет идет на посадку, и ты в очередной раз задумываешься: а почему ты отправилась именно в Хабаровск? Потому что только в Хабаровск удалось так поспешно взять билет? Потому что это очень далеко от Москвы? Потому что Хабаровск – эта глубокая нора, в которой можно залечь, зализать раны, восстановить силы, пополнить запасы энергии?..

Не только. Есть что-то еще!

Хабаровск...

Хабаровск...

Почему это название кажется пугающим и тревожным, будто тихое звериное рычание, долетевшее из тьмы? Сначала казалось, страх был вызван тем, что тебе пришлось пережить, – но нет, тревожит и вместе с тем манит само это сло-

во. Так бывает, когда не можешь вспомнить сон, где тебе открылось что-то важное, жизненно важное!

Ты напрягаешься – и вдруг вспоминаешь то, что считала несущественным, то, что произошло четверть века назад.

...Москва, 1957 год, Всемирный фестиваль молодежи, на родину понаехало чертова уйма, причем многие с такой экзотической энергетикой, что ты – пятнадцатилетняя девчонка, еще не умеющая управляться ни со своим наследственным даром, ни с чужой энергетикой, только и способная хавать излучения окружающих буквально широко разинутым ртом, – чуть ли не захлебывалась от жадности и даже давилась слюной, и вид у тебя при этом был, ты знаешь, совершенно безумный, – ну и плевать, тебе на все было тогда плевать, главное – нажраться чужих эмоций и не подавиться ими, суметь хоть как-то их переварить и вобрать в себя их энергию!

Вы с матерью шли по Садово-Кудринской, где собирались молодые поэты, которые несли страшную словесную чушь, однако именно их эмоции были самыми чистыми и питательными, потому что исходили оттуда, куда даже самому искусному магу подобраться непросто: из самого сердца, как правило, отравленного безнадежной любовью. И вдруг мать стиснула твою руку, устремив остекленелый взгляд куда-то в пространство. Ты к такому уже привыкла: это означало, что мать *увидела* отца. *Видела* она его на самом деле или просто изображала видение, чтобы не отстать от тебя, и впрямь

умеющей проникать взором пространство и время, ты никогда не задумывалась: охота ей изображать из себя пифию – ну и пусть изображает. Но сейчас от матери словно электрический разряд прошел через ваши сцепленные руки, и ты сама увидела того, кого раньше встречала только в сонных блужданиях души невесть где: то в тайге, то в каком-то карьере, где изможденные зэки рубили породу и забрасывали ее лопатами в кузова грузовиков, то в лагерном бараке... Ни одежда, ни общий облик отца не были различимы: ты видела только его необычайные, удивительной синевы глаза, которые ты унаследовала (правда, не столько яркие – смягченные васильковым оттенком). Твои глаза производили потрясающее действие на мужчин, завершая то впечатление, которое оказывали на них твои совершенные черты и точеная фигура!

Итак, ты увидела эти родные глаза, которые, впрочем, были устремлены не на тебя, а на двух мужчин, стоявших на тротуаре. И тут кто-то в толпе сказал: «Это Мишка Герасимов из Хабаровска».

Ты поняла: Мишка Герасимов – вон тот поэтишка совершенно идиотского вида, в мятых брюках, растоптанных сандалетах и пропотевшей ковбойке; вдобавок рыжий. Рядом стоял холеный, отлично одетый иностранец лет пятидесяти с небольшим. По выражению глаз отца ты поняла, что этого иностранца по имени Вальтер Штольц он знает и имеет к нему немалые счета, однако сводить их не собирается, пото-

му что это уже мелочь, полузабытая мелочь для него, всецело поглощенного другой целью и более важной местью. Как ни странно, средством для достижения этой цели и свершения этой мести был рыжий поэтишка, однако иностранцу тоже предстояло принять косвенное участие в том, что собирался сделать с твоей помощью отец.

А между тем поэтишка, устремив в пространство горящий идиотским пламенем взор, трывдел какую-то рифмованную чушь:

Какие планы у судьбы моей,
какие планы?
Небось такие же,
как у родимой мамы:

к забору прислонив,
отлупцевать по морде —
за то, что сын,
и что поэт,
и слишком гордый.

За то, что до смерти влюблен
в соседку Женьку:
с гитарой под ее окном
готов полжизни тренькать...

Отец хищно прищурился, и ты поняла, что эта Женька и есть объект его ненависти и его мести. Почему, за что – это

было совершенно не важно, ты не хотела этого знать, твое дело – выполнять волю отца! И вот, повинувшись этой воле, которую ты чувствовала так же отчетливо, как если бы отец нашептал свое желание тебе на ухо, ты подошла к иностранцу по имени Вальтер Штольц и потянулась к «Паркеру», который тот держал.

Озадаченный Штольц попытался было спрятать драгоценную ручку, однако ты изобразила гримасу такого отчаяния, что этому совестливому глупцу сделалось страшно стыдно. Он поспешно протянул тебе ручку, и ты понимала, что в эту минуту он отдал бы тебе все, что у него было: и деньги, и золотую булавку для галстука, и великолепные швейцарские часы... Да он вообще готов был раздеться догола и отдать тебе всю свою одежду до последнего носка!

Носки его тебе были ни к чему, а вот деньги и часы можно отнести в скупку. Ты уже готова была отдать Штольцу мысленный приказ вывернуть карманы, но помешала мать.

– Скажи спасибо, Люсьеночка, – просюсюкала она, и ты почувствовала, как ее удивительно неприятный голос разрушил чары, во власть которых внезапно попал, точно в сети, Штольц.

Ты поняла, что его озадачило твое имя... Этот Вальтер Штольц был непростой человек, хотя, конечно, значительно – о, весьма значительно! – уступал тебе и отцу в силе. Но, если он сейчас не интересовал отца, тебе тоже следовало оставить его в покое. А вот времени терять не следовало! Ты по-

вернулась к рыжему поэтишке, который зачарованно таращился на тебя, и сказала, сунув ему «Паркер»:

– А ты отцу привет передай. И слушайся его, слушайся! Не то хуже будет!

Это было в точности то, что просил сделать и сказать отец. А потом ты бросилась наутек.

– Люсьеночка! – закричала мать, всплеснув руками, и понеслась следом, а за нею помчался и Штольц, ты чувствовала это! От него надо было уйти, обязательно уйти, и вы с матерью успели проскользнуть через улицу к площади Восстания перед потоком машин, который остановил и отрезал от них преследователя...

И только теперь, вспомнив эту давнюю сцену, ты понимаешь, что привело тебя именно в Хабаровск.

Воля отца! Павел Мец не успел осуществить свою месть, но завершиться все должно именно здесь. В Хабаровске!

Хабаровск, 1985 год

Автобус затормозил так внезапно, что задремавшая Ли-за чуть не ударилась лбом о широкую спину сидевшего впереди мужчины. Суматошно огляделась, еще не вполне придя в себя. Она здорово промерзла на остановке «восьмерки» в Северном микрорайоне, который сегодня как нельзя лучше оправдывал свое название. Райотделовский «уазик» сломал-

ся, не доехав до Вороньего гнезда, где собиралась побывать Лиза. Когда удалось связаться с отделением, выяснилось, что все машины на выезде, кроме дежурной, а она отлучиться не может: вдруг срочный вызов? Техпомощь, конечно, вышлют, но когда – неизвестно. Словом, попасть в Воронье гнездо сегодня вряд ли удастся: до него еще километров пять, попуток в сторону заброшенного строения не дождешься, а пешком туда дойти в такой мороз можно, только если на тебе тулуп, рейтузы и валенки, а не короткая дубленочка, брючки и югославские сапожки. В них по сугробам не пробраться, в них только по центральной улице можно фланировать! Глупо было надевать их сегодня, но ведь предполагалось ехать на машине... И вообще, если есть на свете женщина, которая сможет не обуться в новейшие, только вчера купленные на барахолке на Судоверфи сапоги, то это точно не Лиза Морозова. Что ж, придется возвращаться в отделение, а завтра опять отправиться в Воронье гнездо. Нынче уже не успеть – зимний день короток, а в темноте в этом страшноватом месте делать нечего.

По счастью, рядом с тем поворотом, где мертво встал «уазик», находилась пельменная. Водитель Михаил Афанасьевич, ворча по поводу отсталого состояния автопарка в такой передовой службе, какой должен быть Кировский райотдел милиции, взял порцию пельменей, уселся у окошка и принялся терпеливо ждать подмоги, энергично жуя и с помощью этого скрывая ехидную улыбочку. Улыбочка была вызвана

тем, что он понять не мог, зачем гнать машину в это Воронье гнездо, куда Макар телят не гонял, если девочек, которые там пропали, уже нашли? Конечно, с товарищем старшим лейтенантом не больно-то поспоришь, служба есть служба, однако поломка машины Афанасьича ничуть не расстроила, и ворчал он больше для порядка!

Лиза же пошла на автобусную остановку, хотя поесть не мешало бы. Однако сегодня среда, на дверях пельменной надпись «рыбный день», а Лиза ненавидела пельмени с рыбой – даже с кетой, а не с какой-нибудь там спинкой минтая или с хеком, которые теперь только и можно было найти в пельменных. Гадость редкая, как люди вообще это едят?!

Автобуса пришлось ждать долго, и мечты о тулупе с валенками всё более властно завладевали сознанием Лизы. В наконец-то подошедшем «Икарусе», в котором если и было теплее, чем на улице, то лишь потому, что туда не задувал ветер, она скорчилась на сиденье и, постепенно согреваясь, задремала. Резкая остановка заставила ее привскочить, начать озираться, суматошно хлопая глазами.

– Милицию вызывайте, тогда и проедем! – вдруг крикнул кто-то, и Лиза насторожилась.

Милиция – это она, Елизавета Морозова. И вызывать ее не надо.

– А что случилось? – спросила, взглядываясь в замерзшее окно, но ничего не видя за толстым слоем инея. – Почему стоим?

– А черт его знает, – сонно отозвалась сидевшая впереди женщина. – Кажется, задавили кого-то!

Задавили?!

Лиза протолкалась к открытой дверце.

Ого, да ведь она, оказывается, почти добралась до отделения. Ей надо на улицу Фрунзе, 99, а автобус замер на углу улиц Яшина и Калинина, между школой номер 43 и микрорайончиком, который издавна назывался Черемушками: видимо, в честь знаменитых московских Черемушек, хотя это было, конечно, слишком лестное сравнение для квартала из восьми хрущевок.

Лиза выскочила на дорогу, обежала автобус и толпу зевак, собравшихся на тротуарах и мостовой, – да так и замерла, столь же изумленная, как и прочий народ.

Посреди дороги, перегораживая движение машинам, поднимавшимся к улице Серышева, стоял человек в коричневом лыжном костюме. Его руки были воздеты к небесам. Растопыренные пальцы – длинные, тонкие, что называется, музыкальные, – беспорядочно шевелились, да и сам он покачивался из стороны в сторону, словно дерево под порывами ветра. Но самым поразительным оказались его волосы: очень длинные, ниже плеч, они были выкрашены в зеленый цвет неумело, неаккуратными мазками, как бы акварелью или гуашью, и мотались по ветру, будто листва удивительного дерева.

Это сравнение пришло в голову не одной Лизе, потому

что кто-то рядом задумчиво предположил:

– Дерево он, что ли, изображает?

– Похоже на то, – согласился другой голос.

– Милицию вызывайте! – раздался недовольный крик.

– Да тут нужна не милиция, а «Скорая», причем психушка! – возразила какая-то женщина. – Вон там телефон-автомат, сбегайте кто-нибудь!

– Ну вот еще, к телефону бегать, – раздался насмешливый голос рядом с Лизой, и из толпы вышел высокий молодой мужчина в «аляске», торбазах и мохнатой лисьей шапке, из-под которой сверкали черные глаза. – Здесь рядом ни одного исправного автомата не найти: я знаю, потому что живу тут. Надо просто взять это «дерево» да пересадить на тротуар.

Он приблизился к зеленоволосому, обхватил сзади подмышки и попытался приподнять. Однако это ему не удалось, несмотря на то, что был молодой человек широкоплеч и выглядел сильнее и крепче «дерева». Сделав еще одну попытку, он растерянно огляделся и сообщил:

– Такое ощущение, что этот тип к асфальту примерз.

Его покрасневшее от натуги лицо казалось по-мальчишески растерянным, и Лиза невольно на него загляделась: во-первых, мужчина этот был красив, а во-вторых, кого-то очень напоминал ей четким рисунком бровей и яркими темными глазами. Она его точно видела, видела, но где и когда?..

Встретившись с ним взглядом, Лиза почувствовала, что краснеет, быстро отвернулась и снова уставилась туда, куда

смотрели все: на ноги зеленоволосого человека, по-прежнему стоявшего посреди дороги.

Он был обут в поношенные шлепанцы и, если даже не примерз к дороге, вполне мог отморозить босые ноги.

Лиза огляделась. Отметила, что хвост остановившихся машин тянется уже чуть ли не до Казачьей горы, и поняла, что «выкорчевать дерево» нужно срочно. Да, жаль, что ее машина осталась в Северном: сейчас бы связаться по радиации со «Скорой»...

– Послушайте, – сказала она, обращаясь к парню в «аляске», – позвоните из школы, пожалуйста, в «Скорую», а я попробую поговорить с этим человеком.

Можно было ожидать реплик вроде «Чего это вы тут распоряжаетесь?» или «А кто вы такая, чтобы приказывать?», и Лиза уже начала открывать сумку, чтобы достать удостоверение, однако молодой человек только неприязненно сверкнул темными глазами и, буркнув:

– Слушаюсь, товарищ милиционер! – полез напрямик, через сугробы, к школьному крыльцу.

Вот тебе раз! Они знакомы, что ли? Возможно, он видел ее на прошлой неделе в телепередаче «Будни Хабаровской милиции»? Наверняка, потому что с Лизой после этой передачи начали здороваться совершенно незнакомые люди. Но она-то где его видела?..

А впрочем, сейчас это было неважно. Главное – убрать с дороги человека с зелеными волосами, к которому уже на-

правлялись несколько ражих мужиков, причем один с монтировкой: видимо, чтобы легче было выкорчевать «дерево».

Лиза посмотрела на них – они остановились. Она обвела глазами возмущенную толпу – стало тихо. Совершенно непонятно, как так получалось, однако началось это два года назад, когда в рощице близ Амура начали стенка на стенку вставать парни из общежитий заводов «Амуркабель» и Судостроительного. Возникла вражда после обычной драки из-за девчонки, а чуть не перешло в смертоубийство: парни выходили друг против друга с велосипедными цепями. Лиза, проходившая после окончания Школы милиции практику в дежурной части Индустриального района, приехала по вызову на одну из таких драк. С ней было несколько милиционеров, которые не разрешили ей даже выходить из «уазика», а сами пытались уговорить драчунов разойтись, угрожая даже применить против них табельное оружие. Однако на милиционеров никто не обращал внимания: драка началась... вот упал, обливаясь кровью, один из парней, и тогда Лиза выскочила из машины. Она была до такой степени возмущена и напугана, что ничего не могла сказать, к тому же очень боялась крови (собственно, именно поэтому не пошла в мединститут, как ни уговаривал отец), однако сильнее страха оказалась злость. На земле и так много желающих убивать русских парней! Не далее как вчера она узнала о гибели в Афганистане их соседа, молодого вертолетчика Алеши Краснополова, который когда-то безответно ухаживал за ней, – и

проплакала до утра. Алеша прекрасно играл на гитаре и пел. Особенно любил он «Гренаду»: «Я хату покинул, пошел во-евать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать...» Он по-гиб, выполняя, как пишут в газетах, свой интернациональ-ный долг, погиб на войне в чужой стране, будто в песне про Гренаду, он больше не вернется, а эти лоботрясы готовы уби-вать друг друга просто от нечего делать! Лиза не выдержала: бросилась к драчунам и рванула одного из них за руку.

Ее только чудом не задело цепью, но парень почему-то за-мер, почувствовав ее прикосновение. Уставился изумленно, притих... И так же замирали другие, стоило встретиться с ней взглядами. Лиза сама не помнила, что говорила и гово-рила ли что-то вообще, только голова болела сильнее и силь-ней. Потом, когда бывшие непримиримые враги разошлись, словно бы забыв о существовании друг друга и побросав це-пи на обочину дороги, Лизу стало ужасно рвать. Ошарашен-ные милиционеры хотели доставить ее в больницу, но она попросила отвезти в мединститут, к отцу, на кафедру пси-хологии.

Александр Александрович, помассировав ей в своем ка-бинете лоб и затылок, сразу снял боль. Потом долго пытался выспросить у дочери, что она делала, что чувствовала, одна-ко ее горло жгло желчью, говорить было трудно... Да она по-чти ничего не помнила и описать случившееся смогла очень приблизительно. Осталось только смутное воспоминание об изумленных глазах парней, устремленных на нее.

Кстати, драки в рощице после того случая прекратились. И вражда между молодыми рабочими «Амуркабеля» и Су-достроительного завода словно бы забылась.

– Наследство берет свое, – задумчиво сказал тогда отец.

– Ты имеешь в виду, что я так же могу успокаивать людей, как ты? – обрадовалась Лиза. – Твое наследство берет свое?

– Может быть, и мое, – уклончиво ответил отец. – В любом случае теперь еще больше жалею, что ты не пошла в медицинститут.

– Если бы я пошла в медицинститут, я бы сегодня не оказалась в этой рощице, – справедливо возразила Лиза. – И они бы перебили друг друга.

Отец насмешливо кивнул:

– Как всегда, с твоей логикой не поспоришь!

С тех пор Лиза знала, что, стоило ей посмотреть на любых скандалистов, будь это расшумевшиеся школьники или подвыпившие мужики около какой-нибудь «стекляшки», как все замирали и тарасились на нее, словно забыв, из-за чего разгорелся спор или поднялся крик.

То же произошло и сейчас.

Дождавшись, когда вокруг воцарилась тишина, Лиза подошла к «дереву» и сказала:

– Молодой человек, вы мешаете машинам проехать. Можете встать где-нибудь в другом месте? А вообще-то сегодня такой мороз, что не лучше ли вам пойти домой? Ведь можно и до смерти простудиться!

Странный человек посмотрел на нее. У него было очень скуластое худое, изможденное лицо и бесконечно усталые серые глаза.

– Я тополь, – внезапно проговорил он тихим, усталым, почти безжизненным голосом. – Я тополь из Хонко Амбани. Я вырос на могиле отца. Он рассказывает мне о темных, злобных замыслах буйкин, которые готовы обратиться против живых людей. Я не раз своими ветвями царапал твоё окно, чтобы ты выглянула, чтобы я смог рассказать о том злодействе, которое готовится против тебя, но ты не обращала на меня внимания. И вот я пророс здесь, на твоём пути, чтобы ты наконец заметила меня и выслушала. Так слушай же! Валиаха поселилась в твоём доме, валиаха грозит тебе. Байгоан дотянулся до вас из ада, где мучается его душа. Он злобен и мстителен, он хочет, чтобы вы страдали... чтобы вы страшно настрадались перед тем, как погибнуть! Три жертвы он уже получил, теперь ему нужны и четвертая, и пятая!

Пожалуй, если бы тополь, который и в самом деле рос под окном Лизы, вдруг заговорил, она не была бы изумлена сильнее! Молча смотрела в зеленые глаза, пытаясь собраться с мыслями, как вдруг раздался вой сирены и визг тормозов.

Лицо незнакомца исказилось ужасом, он мучительно всхлипнул и, выкрикнув:

– Берегись! Беги! – метнулся было на обочину, однако зеваки как замерли в оцепенении, так и стояли стеной, пробиться сквозь которую «тополю» не удалось.

Лиза оглянулась – оказывается, рядом затормозила «Скорая».

– Как быстро вы добрались, – радостно сказала она, обращаясь к выскочившему из машины светловолосому врачу в меховой куртке, накинутой поверх белого халата. – Вроде бы только что какой-то мужчина звонить пошел в школу...

– Да у нас как раз был вызов здесь неподалеку, – пояснил врач, – только собрались возвращаться, как передали из диспетчерской, что рядом происшествие. Ой, извините, здравствуйте, Елизавета Александровна!

– А мы с вами разве знакомы? – удивилась Лиза. – Или тоже по телевизору меня видели?!

– Ну уж нет, телевизор с моей работой некогда смотреть, – усмехнулся врач, сияя голубыми глазами. – Я у вашего отца учился, даже кандидатскую собирался у него защищать, да так и не собрался, – он дернул углом рта. – Не судьба, знать, пролезть в науку! Видел вас как-то вместе с Сан Санычем. Вас не заметить и не запомнить трудно – да сами, наверное, знаете!

Лиза неловко пожала плечами, слабо улыбнулась. Комплименты всегда приятны, даже если перед этим наслушаешься всякой пугающей ерунды.

– А с этим человеком теперь что будет? – спросила она, кивком показывая на «тополь», которого немолодая фельдшерица вяло уговаривала сесть в «Скорую».

Лицо «тополя» оставалось безучастным, казалось, он не

слышит ни слова. Зеленые волосы реяли по ветру.

– Отвезем в психиатрическую, что с ним еще делать? – пожал плечами врач. – Оттуда как раз поступило сообщение, что сбежал двухлетний «шурочка» по фамилии Тополев. Волосы зеленые, глаза зеленые, коричневый спортивный костюм, на ногах шлепки... По всем приметам – вот он, голубчик, и есть.

– Тополев! – ахнула Лиза. – Понятно, почему он говорил про тополь!

– Да, в сообщении из психушки как раз и сказано, что у него навязчивая идея, будто он тополь, выросший на какой-то там могиле.

– Именно об этом он и рассказывал, – кивнула Лиза. – Причем такой странный набор слов... то совершенно непонятное что-то твердит, то выражается нормальным русским языком.

– Я не знаю, что делать, Сергей Сергеевич, – угрюмо буркнула фельдшерка. – Нипочем больной не желает в машину идти. Стоит столбом, как глухой!

– Принесите свой чемоданчик, Алевтина Федоровна, – сказал врач и подмигнул Лизе: – В фельдшерском чемоданчике, среди всего прочего, лежит ампула с аминазином – самым действенным средством против всех и всяких галюнов. Прощаюсь с вами, Елизавета Александровна, передайте отцу огромный привет от Сергея Сергеева! Замечательный преподаватель, я его всегда уважал, даже собирался по его сто-

пам идти в психиатрию, но потом, поработав немного дурачком, перешел на нормальную «Скорую». Зато с цветомузыкой езжу!

Лиза не могла не улыбнуться: «дурачки» на жаргоне психиатров, который ей был хорошо известен от отца, – это сотрудники психиатрических спецбригад «Скорой помощи». «Шурочками» циники-врачи (не сыскать на свете бóльших циников, чем врачи!) называют шизофреников. Двухлетний «шурочка» – человек, который лечится уже два года, то выписываясь, то возвращаясь в больницу. Ну а галюны – это галлюцинации. Ладно хоть не галюны!

– Передам привет, конечно, – с улыбкой кивнула Лиза – да так и вздрогнула от вопля, который вдруг испустил Тополев.

Его глаза, только что пустые, безжизненные, были с выражением неопишуемого страха устремлены в группу людей, стоявших около школы, а по телу пробегали такие судороги, словно его било током. Он беспорядочно двигал руками, не то пытаясь загородиться от чего-то, не то оттолкнуть кого-то, широко открывал рот, однако не мог исторгнуть ни звука.

– Амба! – наконец-то прохрипел он. – Бегите! Тигр!

И бросился к «Скорой», поминутно оглядываясь все с тем же выражением ужаса на лице.

Отвратительный запах резко ударил в ноздри. Пахнуло кровью – гнилым мясом и тухлой кровью. Лизу чуть не вырвало.

Доктор Сергеев схватил ее за руку, рванул к себе и прижал

к боку «рафика», прикрывая собой. Лиза так растерялась, что даже не сопротивлялась, – думала только о том, как бы отдышаться.

Но отвратительный запах исчез так же внезапно, как и появился.

Люди невольно шарахнулись в стороны, начали испуганно озираться, однако тут же с гневом снова оборачивались к Тополеву.

– Идиот! Перепугал всех! Тигр, главное дело! Да мы и сами идиоты, если в это поверили! – слышались негодующие и насмешливые реплики.

– Спасибо, но, по-моему, гроза прошла стороной, – буркнула Лиза, пытаясь высвободиться из слишком крепких объятий Сергеева.

– Ну да, ну да... – пробормотал он, с явной неохотой опуская руки и отводя глаза.

А у Тополева припадок страха уже миновал, сменившись полной безучастностью. Глухо пробормотал:

– Эктэни! Нгало аманги... – и уронил руки, повесил голову, так что зеленые пряди закрыли его лицо, и, едва передвигая ноги, дотачился до открытой задней дверцы «Скорой». Принялся неуклюже забираться в салон. Фельдшерица подтолкнула его сзади и закрыла дверцы. Мелькнули цифры номера, при виде которого Лиза стиснула зубы.

Нет. Об этом думать не надо! Довлеет дневи злоба его, а эти цифры – из прошлого!

– Ничего себе, – пробормотал доктор Сергеев, не без смущения косясь на Лизу. – Вот это сила воображения! Тигр, надо же! Я и сам перепугался было, вроде бы даже рык звериный послышался, хотя от этих, на голову травмированных, всякого можно ожидать. А еще вроде бы собаки лаяли. Вот уж правда, что с шурочками поведешься – шиза наберешься.

Лиза слабо кивнула, все еще нервно вздрагивая.

– Ладно хоть обошлось без загрузки, и это радует, не может не радовать, – продолжать балагурить Сергеев, явно пытаясь скрыть смущение. – Аминазин мы сэкономили, ибо экономика должна быть экономной. Всего доброго, Елизавета Александровна, мы поехали, а вы расходитесь, товарищи, нечего проезжую часть загораживать.

Лиза рассеянно кивнула Сергееву, невольно продолжая оглядываться. Само собой, она отлично понимала, что Топлев стал жертвой галлюцинации, такой же нелепой, с точки зрения нормального человека, как то, что он представлял себя тополем, выросшим на могиле, а все же... все же, как ни странно, не только доктору Сергееву, но и ей тоже послышалось звериное рычание. И лай.

Ну, лай мог быть и настоящим: скажем, поблизости гулялась какая-нибудь «собачья свадьба». Но яростный тигриный рык она точно слышала!

С другой стороны, крылатого выражения о том, что у страха глаза велики, еще никто не отменял.

А как насчет гнилостной вонищи?..

Машины постепенно разъезжались, люди расходились. «Икарус», на котором приехала Лиза, тоже умчался, конечно. Да и ладно, до отделения десять минут ходу. Она уже свернула было в проходной двор, через который можно было быстрее попасть на улицу Фрунзе, как вдруг наткнулась взглядом на мрачные черные глаза.

Это был тот парень в «аляске», которого Лиза отправила в школу – вызывать «Скорую». Чего это он такой злой? Бригада приехала мгновенно, несчастного человека увезли, улица очистилась. Вроде бы не на что злиться, а он...

Почему-то ее огорчило, что эти глаза смотрят так неприязненно.

– Спасибо, что позвонили, – крикнула Лиза, улыбаясь.

– Служу Советскому Союзу! – буркнул он неприветливо.

Лиза пожала плечами и пошла своей дорогой, однако чувствовала, что этот человек по-прежнему смотрит ей вслед, да так пристально, что между лопатками ныло.

Ужасно хотелось обернуться, но она все-таки выдержала характер, свернула во дворы.

Ну на кого же он так сильно похож, этот парень, кого напоминает?.. И почему все-таки смотрел на нее с такой злостью? Не потому ли, что увидел, как доктор Сергеев, выражаясь языком романов, стиснул ее в объятиях?..

Лизе было бы приятно, окажись это так.

Почему? Неизвестно...

А вот если бы она стояла рядом с ним, с этим темногла-

зым, он обнял бы ее, пытаясь заслонить от тигра, пусть и воображаемого? Или, может быть, иронически ухмыльнулся бы, не поддавшись панике?..

Короче, отвязаться от него мыслями никак не удавалось.

«Ну ладно, – наконец-то смирилась Лиза, – лучше вспоминать привлекательного мужчину, чем ту ерунду, которую мне наговорил Тополев!»

Однако стоило об этом подумать, как образ «привлекательного мужчины» немедленно забылся, а вот слова несчастного сумасшедшего вспомнились – от первого до последнего.

Ерунда. Конечно, все это ерунда! Смешно воспринимать всерьез навязчивую идею «шурочки», как выразился Сергей. Наверное, Тополев всем подряд говорит одно и то же.

Лиза прекрасно это понимала, но почему-то снова и снова возвращалась мыслями к его словам:

«Валиаха поселилась в твоём доме, валиаха грозит тебе. Байгоан дотянулся до вас из ада, где мучается его душа. Он злобен и мстителен, он хочет, чтобы вы страдали... чтобы вы страшно пострадали перед тем, как погибнуть! Три жертвы он уже получил, теперь ему нужны и четвертая, и пятая!»

Валиаха – слово совершенно непонятное. Байгоан – это что, фамилия человека какого-то? Нет, это не человек, ведь он дотянулся из ада. Призрак? Злобный и мстительный призрак тянется из ада, чтобы вся ее семья страшно пострадала перед тем, как погибнуть? Призрак врага? Но кто этот

враг и какое зло ему причинили? Ну ладно, Лиза – милиционерский следователь, ее стараниями многие преступники арестованы и осуждены, однако никто не был приговорен к высшей мере, чтобы, так сказать, и в могиле жаждать мести! А чем мог провиниться перед кем бы то ни было Лизин замечательный отец, Александр Александрович Морозов, который слышал от людей только слова благодарности за свое удивительное искусство врачевать их тела и души? Или перед ним был чем-то виноват умерший два года назад Вадим Петрович Скобликов, муж тети Жени? Правда, Вадим Петрович раньше был следователем в том же УВД Кировского района, где теперь работает Лиза. Давно – еще до ее рождения. Потом он ушел со службы, устроился в военизированной охрану на заводе «Энергомаш», ну а затем его перевели на инвалидность. Лизе никто не рассказывал, почему Вадим Петрович оставил милицию, а сама она не спрашивала, уверенная, что из-за болезни: у него был сахарный диабет в тяжелой форме. Но, может быть, в прошлом с ним что-то случилось, из-за чего он был уволен из органов? Да нет, не может быть, никто в их семье ни о чем таком и словом не обмолвился.

А ей в голову никогда не приходило спросить. Очень странно...

Вадим Петрович умер. Страшно умер. Но убийца его известен. Никакой давний враг в этом не был виноват!

А тетя Женя, Женька, дорогая, любимая больше всех, чуть ли не больше родителей? Ее гибель совершенно точно

оказалась случайной.

И сразу навалились воспоминания о смерти мамы, которая...

Нет! Об этом не думать! Об этом думать нельзя! В глазах сразу закипели слезы. Однако не думать не удавалось.

«Три жертвы он уже получил, теперь ему нужны и четвертая, и пятая!» – говорил Тополев. В их семье погибли трое. Остались только Лиза с отцом.

«Идиотка, ты просто идиотка, – сказала она себе со злой насмешкой. – С чего ты привязалась к этому бреду сумасшедшего? Даже угрозы тех, кого отправляла за решетку, ты никогда не воспринимала всерьез, а сейчас вдруг заиклилась на какой-то чепуховине!»

Нет, скорей на работу! Это лучшее средство против ненужных мыслей! А вот и красное кирпичное здание Кировского райотдела... но что за толпа собралась у входа? Что там случилось?

Что *еще* случилось?!

Хабаровск, 1983 год

До чего же ослепительно сияло хабаровское солнце! Кто-то в самолете шутил, что здесь триста солнечных дней в году. А может, и не шутил...

Здесьний аэропорт оказался типовой бетонно-стеклянной коробкой, неудобной и невыразительной, как и все такие ко-

робки, раскиданные по стране от Москвы до самых до окраин. Слева от здания, впрочем, виднелся среди аккуратных елочек хорошенький домик – память о временах, когда сюда летала только малая авиация.

К стоянке такси выстроилась очередь, хотя большинство пассажиров, получив багаж, поволокло его к остановке троллейбуса, который, как сообщила стюардесса еще в самолете, шел от аэропорта до Комсомольской площади по главной улице имени Карла Маркса, где находились три гостиницы: «Центральная», «Дальний Восток» и почти на набережной Амура совсем новый многоэтажный «Интурист».

Нет, толкаться в троллейбусе не хотелось. Люсьена решила поехать на такси. Очередь продвигалась быстро, и не более чем через десять минут вальяжный мужик с наглыми глазами (так и хотелось сказать – типичными таксистскими!) остановил рядом с ней «Волгу» с шашечками, опустил стекло и через зевок спросил:

– Куда поедем?

Вид у него был такой, будто никуда ехать ему не хочется, а хочется лечь где-нибудь в холодке и лежать, потягивая пивко. То есть наверняка так оно и было! Почему все поголовно ненавидят свою работу? Ну не нравится тебе быть таксистом – не будь им. Иди в дворники, продавцы, доктора, милиционеры, учителя... Или, к примеру, пой на эстраде, чего проще?

Впрочем, Люсьена отлично понимала таксиста. Он по дол-

гу службы вынужден исполнять чужие желания, услуживать, то есть действовать не по своей воле. То же приходится делать представителю любой другой профессии: и учителю, и продавцу, и врачу. И они свои профессии тоже ненавидят. Ведь люди не выносят подчинения. В каждом человеке живет яростное желание сохранить свою личность – плохую, хорошую, дурную, умную, великодушную, подлую – какую угодно, но свою! – в неприкосновенности, избавить ее от посягательств чудовища по имени Социум – то есть государство и его административные органы. Неведомо, конечно, ловит ли Социум кайф от беспрестанного издевательства над личностями, однако, если нет, он, конечно, полный идиот, потому что именно в этом и заключается для понимающего существа смысл и восторг жизни.

Впрочем, к этой теме Люсьена готова была возвращаться до бесконечности не только теоретически, но и практически. Что и проделала незамедлительно.

Она сняла темные очки, которые, несмотря на то что на дворе стоял октябрь, при хабаровском ослепительном солнце были весьма уместны.

Таксист, который багажник открыть-то открыл, но отнюдь не собирался укладывать туда громоздкий чемодан пассажирки, вдруг схватился за этот чемодан, как за подарок Деда Мороза, бережно уложил его в багажник и повторил уже совсем с другой интонацией:

– Куда поедем, мадам?

– Которая из гостиниц была построена до шестидесятого года? – задала «мадам» вопрос, который мог бы показаться странным в любое другое время, но сейчас таксист был готов для нее на все, а потому с радостной готовностью выпалил:

– «Дальний Восток». Только там почти во всех номерах, извините, удобств нет, они на этаже.

– Разберемся, – слегка улыбнулась Люсьена, и таксист от этой скупой улыбки почувствовал себя вдруг таким счастливым, что ему даже неловко стало привычно соврать в ответ на вопрос о цене. Но все же соврал:

– Пять рублей.

Люсьена пожала плечами:

– Да мы вроде бы и не в Москве, и не в Ленинграде... Ничего себе, заломили! А по счетчику сколько выйдет?

– Три, – застенчиво признался таксист и удивился, с чего это его вдруг потянуло на правду.

– За три поеду, – кивнула Люсьена и устроилась на заднем сиденье.

Раньше она всегда садилась впереди, но месяц назад, повинувшись одному из тех предчувствий, которые ее иногда озаряли, села сзади – и благодаря этому единственная уцелела в ужасной аварии, которую, как уверяла Джина, подстроили ее конкуренты. Правда, уверенность эту несколько ослабляло то, что машину с самой Джиной злодеи пропустили спокойно, а ту, в которой находились ее ассистенты, превратили чуть ли не в лепешку. Шофер и двое ассистентов погиб-

ли, третью – Люсьену – извлекли с помощью резаков – со сломанной рукой и легким сотрясением мозга. Погиб и водитель врезавшегося в них «пазика».

Джина самодовольно трындела, что ее сберегло только ее мощное защитное поле и все ее оккультные силы. Милиция склонялась к мнению, что авария произошла случайно. А Люсьена соглашалась с Джиной: да, это было запланированное убийство, однако с самого начала планировалось уничтожить именно машину с ассистентами, которые и были «защитным полем» и «оккультными силами» знаменитой шарлатанки!

Самые сообразительные ассистенты Джины после этого случая и начали разбегаться, а Люсьена если и не поняла первый намек правильно, то поняла второй, когда ее попытались убить в больнице. К счастью, сотрясение мозга в самом деле оказалось легким и не помешало ей остановить убийцу. Однако третье покушение могло оказаться роковым, именно поэтому она и сбежала сначала из больницы, а потом и из Москвы.

Итак, Люсьена села на заднее сиденье и, поймав в зеркальце любопытный взгляд таксиста, мысленно приказала ему больше внимания уделять дороге. Теперь он ехал так, будто на крыше его «Волги» стояла хрустальная ваза, наполненная шампанским, и каждая выплеснутая капля каралась мощным штрафом.

Улицы были зелены, просторны, довольно многолюдны,

хотя, конечно, до оживленной московской толчеи, где буквально на каждом шагу можно мимолетно глотнуть живой энергии, им было далеко. Там тебя так и толкают энергией, бери не хочу, после долгой пешей прогулки пьянешь от переизбытка сил, а здесь придется шататься по улицам туда-сюда, чтобы насытиться. Впрочем, можно подзарядиться в очередях. Здесь, судя по обрывкам разговоров в самолете, в кошмарном дефиците все, от сосисок до масла (пачку в одни руки), от шоколада до детского питания. Так что очередей, с их превосходной отрицательной энергетикой, окажется в избытке! Ладно, что называется, будет день – будет и пища, как материальная, так и энергетическая. Хотя психическая энергия тоже материальна, уж кому это знать, как не Люсьене!

А вот и гостиница «Дальний Восток» – длинное, на целый квартал здание. С одной стороны – ресторан с таким же названием, с другой – вход в гостиницу. Здание сооружено, пожалуй, в начале века, а потом перестроено в соответствии с позднейшими временами. Конечно, в просторных номерах высокие потолки, конечно, лепнина на стенах и потолках, конечно, бронзовые люстры... Гостиницы такого рода уже давно вышли из моды и не пользуются спросом у командированных, которым подавай современные варианты хрущевок типа гостиницы «Центральная», которую Люсьена разглядела из окошка такси. Однако она не сомневалась, что должна поселиться именно в старинной гостинице, которая помни-

ла бы то время, когда был жив ее отец и когда он оказался в Хабаровске. Отсюда легче будет выйти на нужный ей след.

Водила вытащил ее чемодан из багажника и восторженно поблагодарил за чаевые, глядя в пустую ладонь. Потом он будет клясть себя самого, что положил червонец мимо кармана. Точно так же пришлось поступить с дежурной в гостинице, которая выписала квитанцию на имя Людмилы Павловны Абрамовой, с уважением глядя на пустую стойку, но видя там предварительную оплату за три дня проживания и пряча в карман пустую руку с «подарочком». Денег у Люсьены было мало, и хоть она могла доставать их буквально из воздуха, не всегда целесообразно тратить силы на действия такого рода. Другое дело – простое внушение. Эти двое заслужили свои потери: таксист – первоначальным хамством, дежурная – оттого, что сначала бросила через губу: «Мест нет», – хотя после того, как Люсьена сняла очки, немедленно нашелся уютный одноместный номер не столь уж далеко от коридорных удобств, которыми беглянка немедленно воспользовалась, чтобы привести себя в порядок после дороги.

Потом она открыла сумку и перелистала четыре своих паспорта. Один был подлинный, три – на другие имена. Из Москвы она летела как Лаврова Ольга Петровна. Конечно, чтобы сбить со следа гипотетическую погоню, в гостинице разумно было предъявить документ на другое имя. Она так и поступила. Но вот интересно, почему она подала дежурной паспорт не Марины Ильиничны Шестаковой, а Людми-

лы Павловны Абрамовой? А между тем это имя и фамилия очень похожи на те, которые она носила в действительности: Люсьена Павловна Абрамец. Отчество же вообще было подлинным. Это отчество она сохраняла во всех документах! Имя отца оберегало ее, помогало ей, а она верно служила этому имени.

Честно признаться, Люсьена предъявила именно этот паспорт из чистой бравады. Да, она любила играть с огнем и провоцировать опасность! Сейчас она уже не думала о прошлом – она думала только о будущем. Теперь она не сомневалась, что в этом городе найдет врагов своего отца, которых ей предстоит уничтожить, но для начала хотела поиграть с ними, дать им некую фору, шанс оглянуться на прошлое и попытаться понять, откуда нагрянула на них вдруг беда, которая и сведет их рано или поздно в могилу – всех. До седьмого колена!

Из-за разницы во времени хотелось спать – в Хабаровске день наступал на семь часов раньше, чем в Москве, здесь сейчас два пополудни, в Москве только семь утра, после бессонной ночи в самолете морила усталость, однако Люсьена приказала себе взбодриться. Ей многое еще нужно увидеть, многое решить, причем именно сегодня.

Она вышла из гостиницы и свернула сначала к площади, на которой возвышался чугунный памятник какому-то дюжему мужику в черной кожанке – видимо, комиссару, – а также бородатому партизану, ну и, конечно, красногвар-

действию со знаменем в руках. Оказалось, площадь называется Комсомольская, а памятник установлен в честь героев Гражданской войны.

«И останутся, как сказка, как манящие огни, штормовые ночи Спасска, Волочаевские дни», – прочла Люсьена надпись на гранитном постаменте и усмехнулась. Она знала кое-что об этих сказках – о том промывании мозга, которое было устроено большевиками населению бывшей Российской империи! С новыми властителями страны работали виднейшие медиумы и гипнотизеры того времени, такие как Барченко, Кажинский, Дуров, Бехтерев¹, и талант этих гениев в совокупности с беспрецедентной жестокостью, с которой победители уничтожали народ своей собственной страны, и закрепил успех Октябрьской революции. Вот обогатились эти деятели! Нам, как говорится, и не снилось! Правда, потом многие из них пострадали от властей, ну что ж, они знали, на что шли! Многие Люсьена узнала в смутных воспоминаниях от-

¹ Барченко Александр Васильевич (1881–1938) – оккультист, писатель, исследователь телепатии, гипнотизер. Сотрудничал со Спецотделом ГУГБ НКВД. Арестован в мае 1937 года по обвинению в создании масонской контрреволюционной террористической организации «Единое трудовое братство» и шпионаже в пользу Англии. Расстрелян. Кажинский Бернад Бернардович (1890–1962) – инженер-электрик, первый советский исследователь массивированной телепатии (биологической радиосвязи). Дуров Владимир Леонтьевич (1863–1934) – знаменитый дрессировщик, автор уникальных методик. Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) – психиатр, невропатолог, физиолог, психолог, основоположник рефлексологии и патопсихологического направления в России; академик. Загадка его смерти до сих пор не раскрыта.

ца, в которые ей иногда удавалось проникать. Там мелькали образы каких-то людей, ненавидевших отца и ненавидимых им, однако эти образы были туманны, безлики и безымянны, как если бы некто высший или запрещал отцу назвать их по имени, или сама Люсьена не обладала достаточной магической силой, чтобы распознать их имена.

Значит, надо будет узнать их каким-то иным способом. И она это сделает. Начнет прямо сейчас.

Люсьена огляделась. Три величавые арки в стиле сталинского ампира вели в зеленые парки, дорожки спускались к набережной, однако Люсьена только издалека покосилась на свинцовые волны Амура, бившиеся у подножия длинной лестницы, и пошла прочь, зябко кутаясь в пальто.

Октябрьский ветер был силен! Река, взвихренная им, напоминала живое и яростное существо, которому было известно многое, многое... Может быть, даже об отце, может быть, даже о ней самой... И неведомо, против кого это существо вдруг вздумает обратить свою ярость, а ведь с ним не совладать силой взгляда. От таких могущественных явлений природы лучше держаться подальше!

Люсьена пошла по улице Карла Маркса в обратном направлении, мимо гостиницы, и с каждым шагом у нее все отчетливей возникало ощущение, что она приближается к цели. Миновала перекресток за перекрестком и наконец около кинотеатра «Гигант» (афиша гласила, что в большом зале идет знаменитая «Москва слезам не верит») повернула на-

лево, спустилась по улице Запарина к Амурскому бульвару (судя по табличкам) и прошла мимо двухэтажной бани, настолько отчетливо ощутив присутствие отца, что мороз прошел по коже.

...От этой бани, над огромной трубой которой стоял столб дыма, необычайно плотного на вид, буквально осязаемого, по этой улице Запарина шел Павел Мец, но тогда стоял позимнему холодный март, и отец шел в гору по тропке, извивавшейся между сугробами, за которыми там и сям громоздились кучки золы. Он шел по нечетной стороне улицы. По бокам ее выстроились в ряд небольшие домики, окруженные палисадниками, заваленными снегом. Зима 1960 года затянулась! На сугробах лишь кое-где появились слюдяные корочки весеннего таяния. Наверное, благодаря этим сугробам домики казались необычайно уютными – залитые ярким предвесенним солнцем, под сияющим голубым небом, в обрамлении черных яблоневых стволов. Слегка шуршали плети сухого хмеля, обвивавшие заборы, и чуть громче – рыжие листья дуба, которые оставались на ветках до самой весны.

Павел Мец шел, всматриваясь в номера домов на противоположной стороне...

Люсьена очнулась от чужих воспоминаний. Слева она и сейчас видела старые деревянные домики, одно- и двухэтажные, но справа возвышались панельные уродцы, которых, конечно, не было в то время, когда здесь проходил отец. Однако он поднимался по нечетной стороне, глядя на четную,

он искал дом номер 112... Его нет, но вот школа, рядом с которой он стоял: двухэтажная, типовой постройки, помпезная, с белыми колоннами. В воспоминаниях отца мелькнуло огромное дерево с черной чешуйчатой корой. Почему-то отец называл его черной березой, но разве бывают березы черными?..

Но это неважно. Важно другое. Почему она пришла сюда, вернее, почему именно сюда привела ее воля отца? И почему воспоминания отца о каком-то зимнем дне вдруг вспыхнули именно на этом месте? Что значило это место для отца?

А что, если... А что, если именно здесь он был убит?!

Люсьена насторожилась. Теперь надо быть внимательней. Надо попытаться разглядеть в дуновении ветра, в шелесте листьев, в уличном шуме, в выражениях лиц людей нечто такое, что поможет ей восстановить если не картину прошлого, то хотя бы понять, где и как искать пути к восстановлению этой картины.

Люсьена огляделась.

Того огромного дерева, которое отец почему-то называл черной березой, уже не было: его, очевидно, срубили или оно рухнуло само. Где-то здесь закатаны под асфальт его корни. Если разломать асфальт на этом месте, можно обнаружить эти корни. Вот так же и ей предстоит взломать наслоения времени, чтобы проникнуть туда, куда она хочет попасть: в день смерти отца!

И в следующий миг она уже знала, что не ошиблась в вы-

боре пути. Ей повезло, ей несказанно повезло!

На крыльцо школы вышла очень полная светловолосая женщина в дорогом, отороченном норкой пальто, с мохеровым шарфиком на голове. Спустилась по ступенькам и повернула вниз по улице, на ходу сворачивая и укладывая в сумку белый халат.

Понятно – школьная медсестра. На докторшу не тянет, слабовата, да и в школьных медпунктах нет врачей, только сестры. Но эта женщина была каким-то образом связана с воспоминаниями Павла Меца! Правда, когда Мец увидел ее впервые, она еще не была медсестрой и выглядела иначе: лет восемнадцати-двадцати, тоненькая, с длинной светлой косой, явно русская, но одетая в темные брючки и рубаху, будто китаянка.

«Госпожа ждет вас», – сказала девушка, опасливо поглядывая на отца. Она испугалась его, потому что чувствовала необычное волнение хозяйки, к которой пришел этот странный человек с разными глазами.

Да, Павел Мец перенес какое-то заболевание, и один его глаз приобрел вместо ярко-синего пугающий болотный оттенок. Люсьена явственно видела, как внимательно он смотрит на девушку, сразу поняв: она не обладает никакими особыми способностями. Отец называл это «курас», пустая.

Люсьена почувствовала, что девушка понравилась отцу, он даже пожалел, что ее придется убивать. И убил бы, он намеревался сделать это, однако она осталась жива.

Почему?

Пока неизвестно. Но как же изменилась та девушка! От прежней юной красавицы ничего не осталось, хотя глаза прежние – ласковые голубые глаза.

В ее присутствии окружающее словно бы расцветилось яркими красками, воспоминания отца тоже стали ярче, живее, и Люсьена поняла, что место вокруг школы номер 57 с давних пор многое значит для этой женщины. Как ее зовут? Татьяна? Анна? Нет, Антонина, пожалуй, именно так! Люсьена была уверена, что не ошибается, ей не впервой было угадывать имена.

Она почувствовала, что Антонина может быть ей полезна – и своим прошлым, и своим настоящим. Только надо сразу прибрать ее к рукам. И это сделать будет легко. Сразу видно: она из тех, о которых все кому не лень вытирают ноги, а она только радуется, особенно если это дорогие и любимые ноги.

– Тоня, зачем вы едите столько жареной картошки, да еще на ночь? – небрежно бросила Люсьена, преграждая ей дорогу. – И булочки в школьном буфете вам кушать ни в коем случае не стоит!

Ей столько раз приходилось работать с обжорами и кодировать их – актрис, манекенщиц, начальственных жен, которые хотели оставаться тонкими и звонкими, но постоянно проигрывали в борьбе с собственным аппетитом, – что она видела насквозь сущность обжоры: видела то блюдо, против которого та не может устоять.

Медсестра изумилась ее догадливости только в первое мгновение, но даже в этом изумлении не было никакой попытки к сопротивлению, а далее последовало почти полное подчинение. Люсьена сразу поняла, что Антонина привыкла подчиняться с детства. Ну да, та «госпожа», к которой приходил отец, полностью подавила ее волю, да и сейчас она живет в семье, которая продолжает это делать постоянно, пусть даже неосознанно: просто потому, что все ее домашние более сильны энергетически, чем Антонина. От этих незнакомых людей исходило что-то тревожное, но пока Люсьена не могла понять, что именно.

– Ведь как раз поэтому вы располнели до того, что на вас невозможно смотреть без жалости и презрения, – продолжала бить по больному, мгновенно угаданному месту Люсьена. – Думаете, ваши домашние не знают, что вы тайком жарите картошку среди ночи? Да они втихомолку смеются над вами! И злятся, потому что вонь растительного масла – а ведь вы жарите картошку только на растительном! – мешает им спать!

– Смеются? Злятся? – пробормотала Антонина, и голубые глаза ее заволокло слезами, а в сознании, в которое Люсьена уже начала внедряться, возникли образы двух очень красивых людей: мужчины лет сорока пяти и двадцатилетней девушки. Это были муж и дочь Антонины, и даже от тех зыбких теней, которые Люсьена смогла увидеть благодаря Антонине, тревога ее усилилась.

Что ж там с ними не так, с мужем и дочерью Антонины? Может быть, они тоже знали, видели отца Люсьены?

Выяснить все можно только с помощью этой толстой распустехи.

– Ваших близких можно понять, – безжалостно кивнула Люсьена. – И я удивлена, что вы позволяете презирать себя, вместо того чтобы раз и навсегда избавиться от пагубной привычки и совершенно изменить свою жизнь.

– А как? – всхлипнула Антонина, нервно разматывая шарфик, стаскивая его с головы и расстегивая пальто: от волнения ее бросило в жар. На полной розовой шее белело жемчужное ожерелье – из речного жемчуга, наметанным глазом определила Люсьена, но отличного качества! – Как мне избавиться от этой привычки? Я пыталась... но не получается. Правда не получается!

– Хотите, я помогу? – спросила Люсьена. – Только вам придется довериться мне.

Это был опасный момент. Любой здравомыслящий человек насторожился бы, хотя бы попытался воспротивиться, задав вопросы, которые так и просились на язык: а как вы это сделаете, а сколько это будет стоить, а вы что, доктор, что ли... да мало ли о чем можно спросить у незнакомой женщины, которая вдруг, ни с того ни с сего, бросается помогать тебе в решении самой важной твоей жизненной проблемы! – однако Антонина оказалась идеальным объектом для внушения. Если бы ее муж и дочь в самом деле хотели

прекратить ее ночное обжорство, им достаточно было бы поостроже поговорить с Антониной. Но они этого не сделали. Может быть, им ее жаль? Может быть, они любят ее такой, какая она есть, и поэтому снисходительно относятся ко всем ее слабостям? Или просто равнодушны к ней, а она это понимает – вот и заедает ночной картошкой их равнодушие?

Сейчас это неважно. Сейчас важно завладеть душой этой клуши. Душой и памятью! Проникнуть в самые тайные ее глубины, где хранятся воспоминания о человеке по имени Павел Мец, хотя она даже не подозревает об этом!

– Конечно, конечно, хочу, я буду вам очень благодарна, – суетливо забормотала Антонина. – Что я должна сделать?

Нет, это просто чудо: не что ВЫ будете со мной делать, а что Я должна сделать!

– Откройте рот, – скомандовала Люсьена, и Антонина покорно выполнила приказ.

Вообще-то можно было обойтись и без этого: хватило бы пристального взгляда и мысленного повеления полностью, рабски довериться... Однако у каждого человека есть свои слабости. Были они и у Люсьены. Подчинение себе чьей-то личности и так означает унижение этого человека, но ей мало было примитивного взлома энергетики – хотелось добавить остроты восприятия. А эту остроту может дать только резкое, внезапное, грубое, а то и просто пакостное оскорбление, которое покажется унижительным даже самому затурканному субъекту вроде этой толстухи.

Люсьена наклонилась к лицу Антонины, взгляделась в ее голубые, испуганно распахнутые глаза, – и плюнула в широко раскрытый рот.

Антонина содрогнулась, глаза буквально вытаращились, и вместе со взрывом испуганного возмущения из ее памяти словно бы хлынуло мощным потоком все, что хотела увидеть и услышать Люсьена: все те воспоминания, которые были самым роковым образом связаны для Антонины с этим местом и с людьми, которые когда-то жили здесь.

Хабаровск, 1985 год

Казалось, у входа столпились все сотрудники, которые не находились на вызовах: и оперативники, и дежурная часть... Выскочили кто в чем был, некоторые даже не набросили полущубки или пальто.

Лиза тронула за плечо высокого, нескладного, длинноруккого Леонтия Комарова – оперативника, с которым вместе училась на заочном отделении юридического института и дружила еще со времен Школы милиции:

– Что случилось, Лёнь?

– Да фантастика какая-то, сама посмотри! – растерянно буркнул он и раздвинул своими ручищами стоявших впереди милиционеров.

Теперь Лиза поняла, что все разглядывают полоску земли под окнами следственного отдела. Вообще-то здесь была

клумба, на которой Лиза каждую весну сажала цветы – и для собственного удовольствия, конечно, но еще и затем, чтобы водители не ставили машины прямо под окно следственного отдела. Ведь ни летом, ни зимой не продохнуть от бензиновой гари! Лиза сажала здесь свои любимые космеи, настурции, кранные циннии, которых в Хабаровске называют «майорами» именно за этот цвет, совпадающий по цвету с полоской на майорских погонах, и мелкие астры-октябринки, так что клумба «сторожила» ее окно почти до поздней осени. Впрочем, за те годы, которые Лиза проработала в Кировском отделении, к этой клумбе все привыкли так, что даже зимой на нее не заезжали автомобили: ни казенные, ни личные. Поэтому еще этим утром на клумбе сиял недавно выпавший нетронутый снег, Лиза это отлично помнила. Однако сейчас на нем ясно отпечатались следы... но не человеческие, а звериные.

Это были отпечатки тигриных лап!

Да-да, именно тигриных: прошлой зимой Лиза встречала Новый год с друзьями на таежной турбазе, и однажды ночью из тайги вышел и подкрался к домикам тигр, решивший поохотиться на собак сторожа. Одну он утащил-таки, но потом его отогнали выстрелами и сторож, и приехавшие на помощь из соседнего поселка охотники. Самого тигра Лиза, к сожалению, а может быть, и к счастью, не видела, зато насмотрелась на многочисленные четырехпалые круглые следы. Их уж точно не забудешь...

«Что за чушь? – тупо подумала она. – Там тигр, здесь тигр... Хотя нет, тогда мне просто показалось. Может быть, и здесь кажется?!»

Но следы выглядели вполне реальными. Впрочем, не только факт их появления ошарашивал! Создавалось впечатление, что тигр спокойно прошел по вычищенной и выметенной асфальтированной дорожке, ведущей к крыльцу, потом прыгнул на середину клумбы, постоял там, опять прыгнул на дорожку – и бесследно исчез. Ну, на замороженном асфальте его следы и впрямь были бы незаметны, но все-таки – откуда в центре Хабаровска взялся тигр?! Как он мог пройти по улицам, не подняв страшного переполоха?!

Внезапно резкий запах заставил ее сморщиться. Гадость! Тухлое мясо и гниющая кровь.

Точно так же, как недавно, как там, на улице!

Лиза уткнула нос в варежку, подавляя рвотные спазмы. Наконец попыталась вдохнуть.

Какое счастье! Пахло табаком, морозом, бензином...

Но откуда это гнилью наносит? Или мерещится?

Похоже, никто, кроме нее, этого запаха не почувствовал. Все по-прежнему озадаченно разглядывают следы тигра.

– Такое впечатление, что зверюгу к нам на парашюте спустили, – пробормотал Комаров. – Я ж говорю, фантастика!

– Ага, спустили и снова подняли, – буркнул стоявший рядом дежурный Виктор Мищенко. – Тогда уж без подъемного крана не обошлось. Но кран сюда не подъезжал, я тебе точно

говорю!

– А тигр подходил? – спросил Комаров.

– И тигра не было, – мотнул головой Мищенко.

– Не было или ты не видел?

– Не видел... – понуро согласился Виктор. – Зато следы вижу.

Следы... Какие следы?!

Лиза так и ахнула: следов уже не было. Никаких! На чистом снегу валялась скомканная малиновая бумажка – наверное, конфетный фантик, занесенный ветром.

Что за чертовщина? Снова померещилось?

А другим? Им тоже померещилось?!

– А помните, как в кино «Полосатый рейс» девушка нарочно оставляла тигриные следы на палубе? – пробормотал оперативник Савельев. – Она на руки такие штуковины надевала...

Лиза огляделась. Милиционеры продолжали потрясенно смотреть на клумбу. На чистый снег.

Все по-прежнему видели тигриные следы, так, что ли?! Но почему она их не видит?

Лиза еще раз зажмурилась, зажмурилась до боли, открыла глаза.

Чистый снег. Никаких следов.

То есть всем, кроме нее, мерещится?!

– Да ну, ребята, холодно, чего мы тут стоим? – раздался ленивый голос Комарова. – Убежали собаки давно. Лиза,

идем, там у нас такое странное заявление...

Стоявшие вокруг люди неспешно возвращались в отделение, кое-кто оставался на крыльце покурить.

– Сережа, какие собаки?! – изумилась Лиза.

– А, да тут разодрались пять псов, такую свалку устроили, ужас, – засмеялся Комаров. – Причем так смешно: две пары грызутся, а один мечется туда-сюда, лает, будто подбадривает. Умора! Мы хохотали как ненормальные.

– Вы что, все повыскочили раздетые на улицу, чтобы на собак посмотреть? – спросила Лиза.

– Ну да, а что? – усмехнулся Комаров. – А ты на них разве не смотрела?

– Нет, я смотрела на тигриные следы на клумбе, – внимательно глядя на него, сказала Лиза.

Комаров обернулся к клумбе, пожал плечами:

– Ага, ага, сочинительница! Тигриные следы! Пошли, говорю, случай интересный тебя ждет! Вот где фантастика!

– То есть ты следов не видел? – уточнила Лиза.

– Лиза, у тебя температура, что ли? – уже с беспокойством спросил Сергей.

– Нет у меня температуры, – вздохнула она. – Не обращай внимания. Иди в кабинет, я сейчас. Покурю и приду.

– Опять начала? – рассердился Комаров. – Мы же завязали всем отделом, ребята держатся, я держусь, а ты что же уговор нарушаешь?

– Сереж, не ворчи, ладно? – сказала Лиза, изо всех сил

сдерживаясь, чтобы говорить спокойно. Она не собиралась нарушать уговор, просто нужно было во что бы то ни стало остаться одной. – Я только одну сигаретку. Одну-разъединую. Иди, простудишься – опять на больничном засядешь, а мне сейчас без толкового оперативника никак нельзя.

– Лиса Лизавета, – буркнул Комаров, зябко передергиваясь, и ушел в здание.

Лиза глубоко вздохнула.

Что происходит? Она спятила – или спятили все ее коллеги?

Какие собаки? Какие тигриные следы?! Она видела следы? А остальные?

Виски заломило.

Померещилось ей? А другим? Вполне трезвомыслящим, хладнокровным, всякое видевшим-перевидевшим в жизни ментам? Они говорили о тигре, которого будто бы спустили на вертолете, – значит, ВИДЕЛИ следы.

Следы были. Следов нет. Сергей врет? А остальные? А ее собственные глаза?

Что, всем одновременно померещилось и перестало мерещиться? По сигналу, что ли? Но по чьему?!

И почему вдруг пошла-повалила именно тигровая масть?!

Лиза поднялась на крыльцо, вошла в отделение, наклонилась к окошку оперативного дежурного:

– Вить, слушай, что там за история с собаками?

– С какими собаками? – рассеянно отозвался Виктор Ми-

щенко, что-то разыскивая среди груды папок и амбарных книг, в две стопы нагроможденных на его столе.

Лиза, придя работать в Кировское УВД, поначалу удивлялась, как всё это тут помещается: книга приема и сдачи дежурства, тетрадь для записей оперативного дежурного, книга жалоб и предложений, книга учета повреждений, проверки исправности аппаратуры связи, сигнализации, оперативной и криминалистической техники, книга учета лиц, доставленных в райотдел, журнал учета материалов об административных правонарушениях, книга постовых ведомостей; журнал учета осужденных, прибывших на территорию райотдела в отпуск, командировку и по другим причинам, книги учета входящих и исходящих телеграмм, телефонограмм и писем, журнал учета найденных, изъятых, сданных предметов и вещей (транспортных средств, домашних животных), принадлежность которых не установлена, книга выдачи и приема вооружения и специальных средств и так далее, и тому подобное. Потом привыкла.

– Слушай, Лиза, сейчас Афанасьич сообщил по радики – завел он таки машину, скоро приедет. У тебя завтра и послезавтра отгулы, ты в курсе? На понедельник транспорт нужен? Пиши заявку.

– Я завтра в отгул не пойду, хочу все-таки добраться до Вороньего гнезда, транспорт нужен на завтра, заявку напишу, – на одном дыхании выпалила Лиза и уже спокойней проговорила: – Собаки разодрались. Около отделения. Ты

видел?

– Какие собаки? – поднял на нее глаза Виктор. – Когда мне на собак смотреть бегать? Сама знаешь, дежурная часть – передний фронт! Я тут как пришитый с самого утра сижу, только в сортир, да и то одной ногой, – и обратно!

– Неужели одной ногой? – пробормотала Лиза задумчиво.

– Змея, – ухмыльнулся Виктор. – Нет, пиявка. Вечно к словам присасываешься!

– Какие-то у вас зоологические ассоциации, коллеги, – вздохнула Лиза. – Для Комарова я лиса, для тебя змея, да еще и пиявка... Странно, что ехидной никто еще не назвал.

– Ха! – выразительно произнес Виктор.

– Понятно, – сокрушенно кивнула Лиза. – Эпитет в любую секунду готов сорваться с языка. Или даже срывается за моей спиной. Кажется, женщину во мне вы только Восьмого марта видите, а в прочие дни Брема всем отделением читаете и кликухи для меня выбираете...

– Ну, Лиза, это ты зря, – вкрадчиво пробормотал Виктор. – Женщину мы в тебе видим в любой момент общения! И еще какую! Навскидку можешь назвать хоть одного из наших райотделовских мужиков – холостых! – который бы тебя замуж не звал?

Лиза покачала головой.

Вид у Мищенко стал совершенно инквизиторский:

– А женатых назовешь – кто бы тебе не сделал нескромного предложения?

– Витька, ты в какие-то совершенно неприличные дебри лезешь! – не выдержала и расхохоталась Лиза. – Ничего себе, вопросик! Не буду отвечать. Ты что, хочешь, чтобы меня уволили?

– Не хочу! – испуганно замотал головой Мищенко. – Я просто хотел тебе доказать, что ты для нас единственная, неповторимая, обожаемая! Уволили! Скажет же!

– А кстати, об увольнении, – вспомнила Лиза. – Ты не знаешь, кто здесь работал в шестидесятом году?

– Опомнись, Лизавета! – сурово посоветовал Виктор. – Я ж родился в пятьдесят девятом году, а не служить в Кировский райотдел пришел.

– Да, это я глупость спросила, – кивнула Лиза. – А не в курсе, кто из наших ветеранов может помнить это время?

– Тебе зачем?

– Так просто, – пожала плечами Лиза. – Помнишь, я тебя с Вадимом Петровичем Скобликовым знакомила? Ну, с моим дядей Вадимом? Года за два до его смерти...

– Само собой, помню, – сказав Виктор осторожно.

– Так вот, он в нашем райотделе когда-то служил, – пояснила Лиза. – Давно, они с тетей Женей тогда еще даже женаты не были, да и мои родители – тоже. Но у нас никогда никто не говорил, почему он со службы ушел. Я всегда считала, что по болезни, у него же сахарный диабет был... от которого он и умер, – настойчиво уточнила она, и Виктор смущенно кашлянул, снова вспомнив, как и от чего умер Скобликов.

Об этом знали все, но не обсуждали, тем более при Лизе.

– А сейчас я вдруг подумала: а если была какая-то другая причина его ухода? – продолжала она. – И если так, мне хочется ее знать.

– Так спроси свою... – Иван чуть не ляпнул «свою тетю Женю», потом вспомнил, что она недавно погибла и для Лизы это было страшной трагедией, и не без усилия вывернулся: – Спроси своего отца, он наверняка знает!

– Думаю, отец мне не скажет, – задумчиво проговорила Лиза. – Такое впечатление, что это запретная тема.

– А что это тебя вдруг так разобрало? – откровенно удивился Виктор. – Жила, понимаешь, себе спокойно, и вот понадобилось лезть в тайны, так сказать, минувшего. По какой причине?

Лиза пожала плечами. А что она могла сказать? Что по пути в отделение встретила сумасшедшего, который сообщил, что некто с непонятным именем или фамилией Байгоан с того света тянется с отмщением и уже получил три жертвы, но алчет еще? Интересно, Витя просто посоветует ей пойти отдохнуть или сразу начнет звонить к «дуракам», как выразился бы доктор Сергеев?

Но ведь и в самом деле трое в ее семье погибли! Сначала дядя Вадя. Вскоре после этого умерла мама, сделав страшное, чудовищное признание, из-за которого все усомнились в ее здравом рассудке! А потом погибла Женя...

Поневоле задумаешься: откуда зеленоволосому психу То-

полеву об этом знать? И с чего его вдруг одолела такая забота о Лизе, что он решил непременно предупредить ее об опасности?

– Ладно, всё это на самом деле не важно, – пробормотала Лиза, проходя мимо Мищенко, как вдруг раздался пронзительный крик, исполненный такой боли, такого страха, что Лизу дрожь пробрала, а рука невольно дернулась к сумочке, где лежал пистолет.

– Что это? Где? – воскликнула она испуганно.

– В КПЗ, – бросил Мищенко, выскакивая из дежурки уже с расстегнутой кобурой и бросаясь к лестнице, ведущей в подвал, где помещалась камера предварительного заключения.

– Кто там? – спросила вслед Лиза.

– Да этот, который палец хотел мужику разноглазому отрезать, – на ходу ответил Мищенко, спускаясь в подвал.

– Что делается на свете! – пробормотала Лиза, сворачивая в свой кабинет.

В дверях она столкнулась с Комаровым, рассказала, что случилось.

Комаров невольно прыснул:

– Смех и горе. Сюжет просто фантастический. У нашего задержанного около года тому назад умерла жена. Внезапно, на улице. По его словам, дело было так: шли они, вдруг обогнал их какой-то мужик с разными глазами, одним синим, другим белесым, обернулся, ткнул в эту женщину, ну, жену

задержанного, пальцем. Она закричала, упала и умерла.

– Что, серьезно? – изумилась Лиза.

И вдруг почувствовала, как у нее свело губы судорогой. Закружилась голова, загудело в ушах. Она едва понимала, что говорит. А потом словно оглохла, утратив все чувства, кроме способности размышлять. Все казалось каким-то нереальным... Только что она болтала с Виктором, теперь разговаривает с Комаровым, но перед глазами так и стоят глубоко вдавившиеся в снег тигриные следы, так и слышатся изумленные голоса людей, которые на эти следы смотрят вместе с ней. Через мгновение следы исчезли, все о них забыли – кроме самой Лизы.

И что за собаки?!

Здесь, около отделения, – собаки, там, на улице Калинина, – их лай. Здесь – следы тигра, там – его рычание. Еще немного, и Лиза поверит, что здешние собаки прогнали тамошнего тигра.

И запах крови, этот ужасный, гнилостный запах...

А козы следы, которые она видела позавчера около десятой больницы?!

Хотя нет. Это были настоящие следы. Ни к какой мистике они отношения не имеют.

А остальные?

Какой психический микроб всех вдруг заразил?!

Головокружение миновало так же внезапно, как навалилось, гул в ушах исчез, и Лиза снова обрела способность слы-

шать Комарова. Судя по его рассказу, восприятие действительности исчезало всего лишь на какую-то секунду, а ей показалось надолго:

– Наш задержанный – в смысле, тогда еще не задержанный – бросился то жену поднимать, то милицию вызывать, чтоб этого разноглазого задержали, но, пока метался туда-сюда, тот исчез. Прошло уже много времени после смерти, но муж по ней очень горевал, покоя не находил. Часто бродил по улицам, чтобы одному дома не сидеть, как вдруг сегодня встретил того самого человека с разными глазами! Набросился на него, выхватил из кармана перочинный ножик и попытался отрезать ему указательный палец. Тот самый палец, которым разноглазый якобы ткнул его жену, что якобы и стало причиной ее смерти.

– И что потом? – спросила Лиза.

– Разноглазый якобы снова исчез, как будто в воздухе растворился, но задержанный почему-то решил, что ему помогли сбежать окружающие. Он принялся на людей наскакивать, драка началась, это увидела из окна продавщица магазина «Хабаровск-книга», около которого всё происходило, и вызвала наряд. Наши примчались, повязали буяна, однако рядом случайно оказалась женщина, врач-психиатр, которая объяснила, что человек не в себе: сдвинулся по причине своего личного горя. Там же психушка неподалеку, вот эта докторша шла себе на работу да и оказалась свидетельницей случившегося. По всему выходит, она права, потому что, ко-

гда мы его сюда привезли, он вообще ничего не соображал и только буйствовал. Уже кричал, будто его жену какая-то женщина погубила, а не мужчина, а потом она превратилась в мужчину... В общем, – Комаров махнул рукой, – безнадега полная.

– Ну а почему его в психушку не отправили, если такая клиническая картина? – спросила Лиза. – Почему сюда привезли?

– Дежурная бригада сразу не сориентировалась, да к тому же он так махал руками и ногами, раздавая зуботычины всем подряд, что его поскорей повязали и водворили в КПЗ. Психиатрическую «Скорую» мы, конечно, вызвали, но она на каком-то вызове. Эта докторша ждала-ждала «Скорую» да ушла наконец: на дежурство опаздывала.

– То есть она тоже сюда приехала, что ли? – прищурилась Лиза. – А как ее фамилия?

– Абрамова. Да ты ее вроде бы знаешь. Старовата дамочка, сорок три года ей по паспорту, но выглядит – просто фантастика! Это ведь она девочек в Вороньем гнезде нашла?

Лиза мрачно кивнула:

– Имела большое удовольствие познакомиться.

Комаров решил, что мрачность ее вызвана тем, что девочек нашел какой-то случайный человек, а не старший лейтенант милиции Елизавета Морозова, которая тоже, как и он сам, вела это дело и догадалась, где их надо искать, и даже уже ехала туда, но лавры достались случайному человеку,

этой самой Абрамовой, – и быстренько перевел разговор на другое.

– Эта докторша нам весь, не побоюсь этого слова, анамнез изложила, – сообщил Комаров и покосился на Лизу: произвел ли впечатление мудрым словом.

– Не стой с ученым видом знатока, Комар, – усмехнулась Лиза. – Анамнез в переводе с латинского значит «воспоминание». Это те сведения о развитии заболевания, которые врач получает от самого больного. В крайнем случае – от его родственников, которые в курсе дела. А Абрамова, наверное, просто описала тебе симптоматику навязчивой идеи, которая и владела этим бедолагой.

«В сообщении из психушки как раз и говорится, что у него навязчивая идея, будто он тополь, выросший на какой-то там могиле», – внезапно зазвучал в памяти голос доктора Сергеева.

«Всё до кучи! – внезапно обозлилась Лиза. – Тигры, собаки, могилы, пальцы, навязчивые идеи... и доктор Абрамова, как нарочно! То я никак не могла ее застать в психиатрической больнице, то она вдруг буквально рвется помогать мне в работе! Спасибо, конечно, ей... но вот интересно, почему она меня так раздражает? Из-за попытки применить ко мне простейшие методики тогда, около больницы? Ну это у нее, наверное, чисто профессиональное. Говорят, некоторые психиатры не могут избавиться от пагубной привычки управлять, контролировать, манипулировать. Они просто не

могут жить по-другому! Девчонок-то и правда Абрамова нашла. Леонтий, конечно, уверен, что я злюсь на нее из чистой зависти. А на самом деле... А на самом деле – что?! Не пойму пока, но очень жаль, что не удалось все-таки доехать до Вороньего гнезда сегодня и своими глазами посмотреть на дверь, которой там вроде бы и не было, но она же была, была!»

– В «Скорую»! – раздался вдруг крик снизу, и по лестнице, ведущей из подвала, опрометью взлетел Виктор Мищенко. – В «Скорую» звони! – повторил он своему помощнику, испуганно оглядываясь.

– Что случилось, Витя? – в один голос спросили Лиза и Леонтий Комаров.

– Да умер задержанный-то, вы понимаете? – пробормотал Виктор. – Умер, честное слово! Вернее, убит! Похоже, его ножом в горло ткнули. Кровищи там... Дырка в груди. А ножа нету...

Лиза тихо ахнула и бросилась в подвал. Сзади топал по ступенькам Комаров, а наверху Виктор продолжал кричать: – «Скорую»! Срочно «Скорую»!

Охранник стоял около решетки КПЗ, держась за нее обеими руками, словно боялся упасть. Впрочем, ноги у него в самом деле подкашивались.

– Да как же это могло?.. – воскликнул было Комаров, с изумлением глядя туда же, куда смотрела Лиза: на мертвого человека, лежащего на полу камеры предварительного за-

ключения, закинув руки, скованные наручниками, и запрокинув голову. Лицо его было сведено гримасой боли и ненависти, и все же оно показалось знакомым Лизе.

Ну конечно, она его знает. Это же Илья Львович Эпштейн! Знакомый Вадима Петровича, и тети Жени, и отца. Да, в самом деле, у него с год тому назад умерла жена, заведовавшая отделом учебных пособий в мединституте. Отец ее хорошо знал, был на ее похоронах. А теперь и сам Эпштейн умер. Нет, он был убит...

Убит?!

– Что за фантастика? – растерянно спросил Комаров. – Где кровяца? Рана где? Слышь, Лиза?

Она молча пожала плечами – и вдруг брезгливо содрогнулась, зажала нос.

Ни капли крови не было ни на одежде Эпштейна, ни на полу. Однако отчетливый и мерзкий запах гниющей крови витал в помещении... так же, как недавно витал он на улице Калинина, где раздалось рычание тигра, и возле засыпанной снегом клумбы, где отпечатались его следы.

Хабаровск, 1983 год

Воспоминания Антонины мелькали перед Люсьеной, как стеклышки в калейдоскопе. Это сравнение только кажется банальным – на самом деле оно оригинально тем, что сущность явления выражает очень точно. Таким же баналь-

ным, но безупречно истинным является сравнение мелькания картин памяти с киноплёнкой, которая запущена слишком быстро, но иногда проектор переходит на нормальную скорость или кадр вовсе замирает, давая возможность все разглядеть в подробностях.

Вот и сейчас перед Люсьеной пронеслось в многоцветном мельтешении, а потом замерло, возвращаясь и проявляясь более четко, круглое белое лицо с узкими, длинными, совершенно матовыми, без блеска, черными глазами под густо накрашенными ресницами. Лицо принадлежало женщине с гладко причесанными смоляными волосами, одетой в алое, с высоким воротом, платье, разрисованное драконами и хризантемами. Когда она говорила, губы ее крошечного алого ротика почти не шевелились, оттого голос напоминал птичье чириканье.

– А ведь ты знаешь, что это грех, – изрекла женщина, качая головой, словно фарфоровый болванчик. – Зюйнье!

Люсьена благодаря Антонине поняла, что это слово как раз и значит «грех» по-китайски, и удивилась было такому странному воспоминанию, но сразу сообразила, что это некая точка отсчета, от которой и началась сцепка памяти Антонины с памятью этого места на улице Запарина, около школы номер 57.

Итак, зюйнье... Неведомый грех готовилась совершить какая-то русская женщина: немолодая брюнетка, с озлобленным, усталым, но все еще очень красивым лицом. Ее звали

Тамара Морозова, и Люсьена откуда-то знала, что она принадлежит к числу врагов Павла Меца! Впрочем, впоследствии отец уже сам свел с ней свои счеты, поэтому Люсьена не стала вглядываться в ее духовную сущность, а продолжила погружаться в память Антонины.

И вот появилась сама Антонина – еще совсем девочка, даже моложе, чем в первом отцовском воспоминании, одетая так же, как та китайка, которой она прислуживала и которая ее называла Тонь Лао. Значит, Тоня.

Китайка была гадалкой по имени Ньюжоанминьг, но зачем пришла к ней Тамара Морозова и в чем состоял ее грех, Люсьена понять не смогла: просьба этой женщины внушила Антонине такое отвращение, что оно было живо и сейчас, и вспоминать о нем она ни за что не хотела – прятала эти воспоминания даже от себя.

Тем временем Тамара Морозова показала гадалке фотографии каких-то юноши и девушки, до такой степени похожих друг на друга, что сразу стало ясно: это брат и сестра. Они были удивительно красивы: с правильными чертами лица, яркие, светлоглазые. У юноши брови строго сходились к переносице, у девушки была крошечная родинка в уголке рта, и Люсьена с первого взгляда возненавидела этих двоих так, как еще не ненавидела никого на свете, потому что ненависть отца к ним была заразна, как чума, и так же губительна.

А он их ненавидел, это Люсьена ощущала всем существом своим. Их и их родителей!

Кем были они? За что, почему он их возненавидел? Пока она не могла понять – понимала только, что эта ненависть и погубила отца.

Слово «гроза» мелькнуло, словно молния сверкнула во тьме случайно затронутых воспоминаний отца, к которым не было доступа Люсьене. Это слово она встречала в смутных тенях его страданий часто, очень часто, но так и не поняла, почему он так боится грозы.

В этом слове было нечто роковое, отнимающее силы, так случалось всегда, и сейчас Люсьена тоже ощутила, что воспоминания Антонины блекнут, расплываются... нет, ее нельзя выпускать из-под контроля!

Волевое усилие – и «кадр» памяти снова ясен и четок.

Тонь Лао, юная Тоня, взглянула на портрет юноши восхищенными глазами... и теперь замелькали ее более поздние воспоминания о том, как этот юноша шел по каким-то хабаровским оврагам, утопавшим в зарослях полыни и паслена, шел по тропкам среди старых домиков и заборов, увитых плетью дикого хмеля. Над заборами возвышались крупные, будто капустные кочаны, головы разноцветных георгинов, вздымались, словно стрелы, роскошные гладиолусы, качались под легким ветерком золотые шары, а Тоня украдкой бежала за юношей, прижимая к себе его фотографию – ту самую, которую Тамара Морозова оставила у китаянки, а Тоня этот снимок украла, потому что с первого взгляда влюбилась в юношу. Его звали Александр Морозов, хотя он не был сы-

ном Тамары Морозовой, да и фамилия у него на самом деле была другая, только он об этом еще ничего не знал... да, Тоня в него влюбилась – и не разлюбила по сей день, уже двадцать лет будучи его женой, хотя его отношение к ней – никакая не любовь, а лишь признательность за ее преданность, за ее нежность, за то, что Антонина родила ему дочь, очень похожую на ту девушку с фотографии, на девушку с родинкой в уголке рта: сестру Саши, Женю.

Женя?.. Уж не о ней ли на улице Садово-Кудринской в 1957 году плакал стихами рыжий поэтишка Мишка Герасимов, сообщая всему миру о том, что он «до смерти влюблен в соседку Женьку», а она и такая, и сякая, и самая необыкновенная, вот только до Мишки Герасимова со всей его любовью ей нет никакого дела?.. Неужели та самая?!

Внезапно стеклышки калейдоскопа воспоминаний Антонины потемнели, и Люсьена поняла, что эта женщина безумно ревнует мужа и к его сестре, и к дочери своей собственной ревнует – за то, что девушка так удивительно похожа не на мать, не на отца даже, а именно на тетку – на эту самую Женю! Судя по тьме, заclubившейся в ее памяти, Антонина всегда тайно желала зла сестре мужа, даже смерти желала ей – и не могла простить себя за то, что однажды спасла ей жизнь, когда точно так же ненавидевшая Женю и точно так же ревновавшая ее к Саше Тамара Морозова попыталась ее убить.

Тоня, впрочем, спасла Женю не по своей воле. Ее послала

госпожа, та самая китаянка!

Зачем, почему – это осталось для Люсьены скрыто, потому что сама Антонина об этом или не знала, или забыла, или нипочем не желала вспоминать.

Потом Люсьена увидела запущенные комнаты, по которым бродила до смерти измученная одиночеством Тамара Морозова, покинутая и Сашей, и Женей. Они уехали из Хабаровска, даже не оглянувшись на ту, которая заменила им мать, так и не простив ей... чего? Антонина не знала – не узнала и Люсьена, хотя поняла, что греха, которого так жаждала Тамара, Женя и Саша все-таки не совершили. И еще они что-то узнали о себе... они узнали, что они брат и сестра, это Тамара почему-то скрывала от них.

Но теперь она поплатилась за всё одиночеством. Она заперла боковушку, в которой когда-то жила Женя, почти не заходила в свою комнату, а все время проводила в Сашиной. Здесь, на его диване, она спала, за его столом иногда неохотно ела: что-то ей приносила Тоня, которая забегала к Тамаре, надеясь узнать новости о Саше, или Мишка Герасимов, который тоже забегал, надеясь узнать новости о Жене. Однако никаких новостей ни о ком не было...

Мишка иногда прибирался в доме Тамары Морозовой, дрова приносил, уголь... Здесь он порой садился писать стихи. Писал он все тем же «Паркером», и Люсьена, увидев эту ручку, удивилась, что Мишка ослушался и так и не передал ее отцу, а по-прежнему марает бумагу – да опять про одно и

то же, опять про Женьку и любовь к ней!

Или все еще впереди? Или еще впереди его встреча с Павлом Мецем?..

А между тем Тамара Морозова ни Мишку, ни Тоню словно бы и не замечала: она молча и мучительно умирала от тоски по Саше. И когда в Хабаровск приехал Павел Мец и увидел ее, он с трудом узнал прежнюю красавицу Тамару в сгорбленной старухе в рваной шали, из-под которой торчали полуседые пряди, в бесформенной телогрейке и серых, грубо подшитых валенках.

Люсьена оживилась.

Наконец-то в воспоминаниях Антонины появился Павел Мец! Наконец-то его дочь узнает, что с ним произошло, почему и как он погиб!

А в Хабаровск он приехал, чтобы убивать. Первой жертвой стала китаянка, гадалка, хозяйка Тони. Отец прикончил ее, чтобы впитать в себя ее загадочную энергию, ее силу, ибо он, как уже было известно Люсьене, чувствовал приливы могущества, только когда напивался кровью, истекающей из тел убитых им или погибших рядом с ним людей.

Но девушку отправить вслед за хозяйкой не удалось. В воспоминаниях Антонины эта сцена рисовалась тускло, еле различимо: Люсьене пришлось напрячься изо всех сил, чтобы ее разглядеть.

– ...Дитя мое, – сказала госпожа, – ты собиралась сегодня навестить своих родных? Я хочу, чтобы ты пошла сейчас.

Прямо сейчас.

– Но, госпожа, – удивилась Тонь Лао, – а как же гадание? Я должна вам помочь...

– Мне поможет наш гость, – чуть улыбнулась китаянка своим крошечным ротиком, и Люсьена догадалась так же, как догадался в свое время Павел Мец: китаянка предчувствовала, что ее ждет смерть, и решила спровадить свою помощницу, чтобы спасти ее от убийцы.

Но если она знала, что незнакомец пришел убить ее, почему не сопротивлялась?! Чувствовала его превосходство? Однако отец его не чувствовал, это Люсьена понимала...

– Но, госпожа... – заикнулась было девушка, однако гадалка повторила уже строже: – Иди. И возьми шкатулку, которая стоит в моей спальне. Только никому не показывай ее. Иначе тебя могут обвинить в том, чего ты не делала. Запомни мои слова! И уходи немедленно!

Лицо Тони словно бы затуманилось, взгляд сделался сонным. Она кивнула, выскользнула из комнаты и вернулась буквально через несколько секунд, уже в валеночках, шубке, шали и с чем-то квадратным, обернутым в кусок синего бархата, под мышкой.

– Прощай, Тонь Лао, – ласково проговорила китаянка, но девушка не ответила. Она словно и не слышала этих слов и наконец ушла.

Ну да, Антонина почти забыла этот эпизод своей жизни! Наутро узнала, что дом ее госпожи сгорел и сама она сгоре-

ла. А в шкатулке, переданной Тоне, оказались золотые монеты, которые девушка тайно продавала, помогая и своим родственникам, и своей новой семье – когда вышла за Сашу Морозова.

Жемчуг на ее шее – из той же шкатулки. Антонина носит это ожерелье много лет. И еще осталось что-то, еще какая-то вещь, которую она отдала своей дочери, но ни вещи этой, ни Тониной дочери Люсьена разглядеть не могла.

Да и черт с ней! Пока ни в коем случае нельзя прерывать связь со временем, в которое Люсьена попала благодаря этой толстухе, необходимо узнать все до конца!

И снова перед ней возник двухэтажный домик, за которым наблюдал Павел Мец: домик, где жила постаревшая, одинокая Тамара Морозова.

Нет! Она здесь уже не живет, она погибла. Ее убили. Кто? Тоня, вся в слезах, прячется за забором, глядя на Женю и какого-то парня в форме лейтенанта милиции. Женя повзрослела, похудела, вид у нее измученный, и все силы словно бы выпиты из нее кем-то более могучим, чем она... Отцом, вострепелась было Люсьена, но тотчас почувствовала: нет, Женя их недавно на что-то отдала, отдала добровольно, Люсьена не знает на что, но чувствует, что Женя и сама об этом забыла, для нее это неважно! Ее сила действует как бы сама по себе, а если и подчиняется, то душе Жени, велениям ее сердца, а не рассудку. Нет ничего более бессмысленного, чем такая сила, и нет ничего более неодолимого – так счи-

тала Люсьена. Это как река, как Амур, на который даже ей страшно смотреть...

Однако нельзя отвлекаться!

Сейчас Женя потрясена страшной вестью о том, что Тамару убил Мишка Герасимов. Женя в это не верит и пытается убедить в этом своего спутника, этого лейтенанта. Его зовут Вадим Скобликов, он давно и безнадежно влюблен в Женю, и при виде его Люсьена едва не захлебнулась ненавистью. Это была не ненависть Антонины: Антонина всегда относилась к Вадиму очень хорошо! – эта ненависть родилась в самой Люсьене! Но что же такого, вызвавшего эту неистовую ненависть, мог совершить этот лишенный каких бы то ни было *особенных* сил, лишенный даже намека на *тайное* могущество человек, этот мент Вадим, чтобы Люсьена, увидев его впервые, вдруг так возненавидела его?..

Но она чувствовала, что разгадка близка, и, сдерживая нетерпение, продолжала вслушиваться в разговор между Женей и этим лейтенантом.

Итак, Женя не может поверить в то, что Мишка Герасимов убил Тамару. Вадим же настаивает на этом, потому что Мишка сам явился в отделение и признался в убийстве. А потом ни с того ни с сего бросился бежать и был убит сопровождавшим его милиционером, который, правда, уверяет, что стрелял по ногам, а попал в голову.

«Да не ты попал в голову, мазила! – ухмыльнулась Люсьена. – Это отец попал твоей рукой туда, куда и намеревался!»

Вадим показывает Жене стихи, написанные Мишкой, – такие же нелепые, как все, что он писал о своей любви:

Когда-нибудь найдет она листок и прочитает
Набор таких простых и откровенных слов.
Когда-нибудь – случайно, может быть! —
она узнает,
Она узнает про мою любовь.

Я для нее всего лишь неудачник,
Хвастун, глупец и даже идиот.
Безумная любовь моя – пустяк пустячный.
Для Женьки в счет все это не идет.

А я бы повернул, клянусь, обратно
Амура бег, чтоб Женьку поразить!
Она уехала куда-то невозвратно
И не узнает, как я б мог ее любить!

Женя страшно побледнела, едва не лишившись чувств, но справилась с собой – и вдруг пристала к Вадиму с неожиданным и, по его мнению, дурацким вопросом:

– Где ручка, которой это написано?

Люсьена скрипнула зубами. Только дураку этот вопрос может показаться дурацким, а она-то знала: Женя уже видит суть того, что произошло!

– Да не было никакой ручки, – бормочет Вадим, но, не в силах противиться Жене, приводит ее на место убийства.

Здесь-то их и видит Тоня, которая поджидает Сашу, уверенная, что он обязательно придет, узнав, что Тамара Константиновна погибла. Но Саша придет позднее, а в эти дни он лежит в каком-то нанайском стойбище тяжело раненный...

Люсьена почувствовала, что к этой ране имел какое-то отношение отец... по его приказу какой-то узкоглазый человек стрелял в Сашу, однако тот остался жив...

За что, за что отец так ненавидел этого мальчишку? Почему желал ему и Жене самых страшных страданий перед тем, как убить их?

Опять мелькает слово «гроза», это странное, пугающее, обессиливающее слово...

Люсьена стиснула трясущиеся от нетерпения руки, чувствуя, что и сама-то слабеет, а Антонина вообще на грани обморока. Она еле дышит, рванула с шеи ожерелье, словно то ее душило... Как бы не замучить ее до смерти, она еще может пригодиться!

Но теперь, когда ответ на главный вопрос так близок, остановиться уже невозможно, и Люсьена снова нырнула в память жертвы.

– ...Жень, – бормочет Вадим, стоя у калитки, – в доме всё в крови. Может быть, тебе лучше туда не ходить?

– Я туда и не иду, – говорит Женя, разглядывая затоптанный снег.

Потом она начинает шарить в сугробе и достает оттуда ручку! Тот самый «Паркер» с золотым пером, который

Люсьена велела передать отцу. И Люсьену словно разрядом электрическим пронзает: теперь она понимает, для чего отдавала Мишке такой странный приказ! И понимает, что тот его все же выполнил. Передал ручку Павлу Мецу.

Да, передал. Передал, потом пошел признаваться в убийстве – и сам был убит. Однако почему ручка валяется в сугробе?..

– Значит, Мишка ее здесь потерял, когда сдаваться пошел, – предполагает Вадим.

– Это не Мишка потерял, – возражает Женя. – Это тот потерял, кто тетю Тому убил. Хотел себе забрать... но он очень устал после убийства... он здесь поскользнулся, упал... не заметил, как потерял ручку. Потом, конечно, спохватился, но возвращаться побоялся. А ручка ему нужна. Именно эта ручка! И это он вызвал меня телеграммой!

Тоня и Люсьена напряженно вслушиваются в этот разговор, и обе наконец понимают, что телеграмма с сообщением о смерти Тамары Морозовой была отправлена Женьке в Совгавань, в редакцию газеты, где та работала, еще за сутки до убийства! Значит, отправить ее мог только убийца, готовивший свое преступление. Однако это не Мишка Герасимов.

Тоня не понимает, почему Женя так уверена в этом, да и зачем убийце спешить с телеграммой, и Вадим не понимает, а вот Женьке все ясно. И Люсьене ясно. А еще ей ясно, что эта самая Женька, хоть и слыхом не слыхивала о буржуазной

псевдонауке (ну да, конечно!) психометрии², все же владеет ею практически в совершенстве.

Может быть, даже совершенней, чем сама Люсьена. Она понимает это, и зависть, внезапно вспыхнув, причиняет ей почти физическую боль.

– Он не хотел ждать, – говорит в это мгновение Женя. – Он слишком долго ждал. Он больше не может ждать. Он хочет уехать и поскорей увидеть свою дочь.

– Какую еще дочь?! – кричит Вадим.

– Меня, – шепчет Люсьена и вздрагивает, потому что чувствует: Женя сейчас своим удивительным зрением видит ту сцену в Москве, на Садово-Кудринской!

Она видит Люсьену, которая изображала из себя сумасшедшую. Женя чувствует, что эта девушка в чем-то ей подобна, она тоже видит то, что скрыто от других! Девушка взяла ручку у какого-то иностранца и передала Мишке, сказав... сказав... что-то про ее отца, которого Мишка должен слушаться.

Почему? Кто ее отец? Откуда это разрывающее мозг ощущение, что ее отец как-то связан с Женей, более того – что с ней как-то связан тот иностранец, которому раньше принад-

² Психометристы исходят из того, что любой материальный объект сохраняет в себе запись своей предшествующей судьбы, причем эта запись может быть воспринята человеком, который достаточно чувствителен, чтобы настроиться на специфические вибрации, возбуждаемые предметом. Некоторые экстрасенсы полагают, что предмет может нести информацию и о настоящем, и о будущем связанного с этим предметом человека.

лежал «Паркер»?!

Женя сосредоточилась. Догадка где-то рядом, рядом... она леденит, как присутствие врага...

Люсьена напряженно наблюдает за ней. Даже растратив силу на какие-то пустяки, эта молодая женщина остается опасной. Но когда же, когда же появится отец?!

Между тем Вадим, который не понимает, что творится с Женей, говорит, что надо пойти на главпочтамт: если очень повезет, приемщица вспомнит, как выглядел человек, который отправлял телеграмму.

– Не надо никуда идти, – тихо отвечает Женя. – Я знаю, как он выглядит. Он невысокий, очень худой. У него резкие черты лица, словно вырезанные из дерева. И у него разные глаза: один болотного цвета, другой синий, ярко-синий, словно бы эмалевый. Я это знаю потому, что вижу его. Он здесь. Вот он.

Люсьена чувствует, как у нее сжимается горло. Теперь и она видит того единственного человека, которого любит на всем свете – на том и на этом, пусть он даже давно мертв.

Отец!

Как измучила его жизнь, как он постарел, один его глаз утратил прежнюю необыкновенную синеву... Но Люсьена смотрит на него с молитвенным восторгом: ведь это тот, кто наградил ее своим великолепным даром и дал ей возможность жить не так, как все остальные, как прочие ничтожные людишки, а владеть ими, использовать их!

Между тем эмоции перепуганной Тони, через которые Люсьена удается проникнуть и в мысли Жени, и наблюдать картину мира, принадлежащую прошлому, начинают захлестывать ее. То, что тогда пришлось увидеть девушке, навсегда запечатлелось в ее памяти, хотя, конечно, будучи курас, пустой, она запомнила только внешнюю оболочку событий, не понимая их скрытой сути.

Ту вольтову дугу, которая пролегла между взглядами Жени и отца Люсьены, Тоня разглядеть не могла: она видела только, что Женя и низкорослый невзрачный человек с разными глазами, в которых пылает бешеная ненависть, смешанная с восторгом, неотрывно смотрят друг на друга. И Тоне не дано было увидеть черную сеть, которую этот человек накидывает на Женю.

Люсьена чувствует, что отец в восторге от того, как он виртуозно исполнил свой замысел. Овладев сознанием Герасимова, заставив его полностью подчиниться, он приказал парню убить Тамару Морозову, а потом пойти в отделение и признаться в содеянном. Потом заставил его пуститься в бегство – и направил пулю милиционера в его голову.

Люсьена видит, как ее отец шевелит пальцами левой руки. В правой он держит наготове метательный нож (этим оружием он владеет великолепно!), в левой у него незримая сеть, которую он раскинул своим губительным взглядом над Женей и теперь подтягивает ее к себе. И у Жени нет сил сопротивляться. Она отдала все силы ради спасения кого-то... А

для себя ничего не оставила!

Эта молодая женщина унаследовала от родителей огромное богатство, но не смогла им распорядиться, потому что так и не усвоила главное правило жизни: всё, что ты имеешь, должно быть потрачено только на себя. И всё, что ты заберешь у других, ты должен тратить только на себя. Нельзя ничем делиться, и, если ты хочешь выжить, надо отнимать. Только отнимать и присваивать. Так, как делал Павел Мец.

«И я! – чуть не воскликнула Люсьена. – И я делаю так же, отец!»

А он тянет и тянет Женю к себе, одновременно краем глаза фиксируя этого тощего милицейского лейтенанта, который словно бы забыл, что у него есть оружие, и только и способен ошалело таращиться на пугающего незнакомца.

Почти в таком же состоянии находится и Тоня, наблюдающая со стороны, однако она вспоминает этого странного человека с разными глазами! Он приходил к госпоже и убил ее. Значит, он убьет и Женю.

И тогда Саша освободится от ее влияния. И тогда Тоня рано или поздно сможет им завладеть!

Однако Люсьена только мимоходом отмечает эту подлую мысль, которую когда-нибудь использует в своих целях. Сейчас ее внимание поглощено отцом.

А он ощущает слабость, губительную слабость Жени. Сейчас он мог бы прикончить ее одним взглядом! Даже мыслью! Приказать умереть – и она умрет!

И вдруг Тоня вздрагивает, а вместе с ней и Люсьена.

Женя останавливается, и Вадим, внезапно вырвавшись из своего оцепенения, дергает Женю к себе!

Тоня не понимает, что произошло, однако Люсьена и Павел Мец за миг до происшедшего услышали крик:

– Женя, стой! Остановись!

Это был голос Саши!

Но Саша сейчас далеко, где-то в таежном стойбище, он тяжело ранен. А между тем сила его оказалась способна взломать пространство и прийти на помощь сестре.

– Держись, отец! – стонет Люсьена. – Не отпускай ее!

И вдруг чувствует, что руки отца ослабели от боли. Такой боли он не испытывал никогда в жизни, и Люсьена понимает: сила, ради которой он убил «китайскую ведьму», которую присвоил, напитавшись ее кровью, уходит из него.

Они оба, отец и дочь, словно бы слышат в этот миг предупреждение гадалки, которому Павел Мец не внял, но теперь поплатился за это:

«Я давно знаю, что моя сила иссякнет мгновенно, если я только попытаюсь хоть кого-нибудь убить».

Вот она и иссякает, эта сила, унося с собой все то, что было нагреблено Павлом Мецем у других людей, которых он убивал.

Люсьена чуть ли не визжит от ярости, чувствуя боль отца, его опустошение: он снова курас, такой же, каким стал тогда, давно, еще в августе 1918 года, когда предал всех, кто ему

верил³.

Слово «гроза» темной тучей накрывает его, и Люсьена с трудом прорывается внутренним взором сквозь тьму, восстанавливая связь с отцом.

Даже курас может воспользоваться ножом, который сжимает в руке. Неужели Павел Мец забыл о нем?!

– Нож, отец! – кричит Люсьена и ощущает, что отец или услышал ее крик, или сам вспомнил: у него еще осталась человеческая оболочка, остался крепкий скелет, перевитый мышцами. И силы этих мышц достаточно для того, чтобы бросить в Женю нож.

Нож материален! Его ничто не остановит!

Люсьена видит, что отец замахивается...

Но пули тоже были материальны – те пули, которые успел выпустить в него очнувшийся от своего оцепенения и выхвативший пистолет Вадим.

Эти пули разрывают отцу грудь, а одна попадает в сердце.

Люсьена сама хватается за сердце, увидев, как образ отца, вызванный воспоминаниями Антонины, рассеивается, чтобы обратиться в ничто. В это мгновение перед ней возникли две легкие тени, которые отшатнулись от этого «ничто», как от чего-то самого отвратительного на свете.

Но сейчас Люсьене было не до каких-то призраков.

Все кончилось. Отец погиб!

³ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Любовь колдуна», издательство «Эксмо».

Гроза, гроза – это слово реет словно бы над всем миром...

Наяву грохочет она? Или в воспоминаниях? В чьих воспоминаниях?..

Люсьена согнулась от боли, физической и душевной, осознав, что слишком дорогую цену заплатила за то, чтобы встать наконец на дорогу мести, и узнав, кто убил отца. Она видела его гибель, а потому больше никогда не увидит его самого ни в своих, ни в чужих воспоминаниях!

Нет, вспоминает она, есть одно средство. Страшное, почти недостижимое средство... Но сейчас она не может вспомнить, какое, потому что у нее больше не осталось сил удерживать в повиновении воспоминания Антонины.

Люсьена исчерпала свою повелительную энергию и сейчас может только беспомощно смотреть, как очнувшаяся Антонина, качаясь от слабости и испуганно озираясь, бежит прочь, совершенно не понимая, что с ней здесь происходило.

Люсьена попыталась ее догнать, даже сделала несколько шагов, однако ноги подкашивались, и ей даже пришлось схватиться за ограду школьного двора, чтобы не упасть.

Она слабыми пальцами поднимает упавшее на землю ожерелье Антонины, но даже и это усилие чуть не валит ее с ног.

Все, на что она оказалась способна, это дать приказ Антонине забыть ее лицо, забыть их встречу, однако она даже не уверена, что Антонина исполнит этот приказ.

Люсьене было необходимо узнать, где живет ее жертва, однако об этом она может узнать в любое время в школе.

Ничего! Она найдет и Антонину, и Женю, и ее брата, и убийцу отца – Вадима Скобликова. И еще у нее есть ожерелье...

А теперь можно дать себе волю и оплакать смерть отца.

Люсьена вдруг осознала, что за всю свою жизнь не пролила по нему ни одной слезы. А может быть, ему это было нужно. Может быть, если она заплачет сейчас, ему станет легче – там, в той устрашающей, несуществующей и тем особенно жуткой тьме, куда его повергли враги.

Да, если не от этих слез, то от мысли, что дочь взяла месть в свои руки, отцу должно стать легче!

И все-таки – что значит «гроза»? Почему это слово стало для Павла Меца роковым?..

Хабаровск, 1985 год

Заявление о пропавших детях поступило в отделение Кировского района три дня назад. Вернее, это были два заявления – от родителей двух восьмиклассниц из школы номер 57. Именно эту школу оканчивали отец Лизы и тетя Женя, а она сама училась в пятой: поблизости от улицы Театральной, где жили Морозовы. Но 57-я школа находилась на улице Запарина – по соседству с Кировским отделением милиции, буквально дорогу пересечь да через двор пройти.

Сначала заявления попали к Леонтию Комарову. Сра-

зу опросили всех знакомых, одноклассников пропавших, но никто не мог предположить, куда подевались девочки. Встревоженный Комаров на другой же день позвал на помощь Лизу. Она сказала, что хочет побывать дома у девочек. И, как только она пришла к Симоновым, у которых пропала дочь Наташа, ее брат, пятиклассник Коля, вдруг вспомнил, что случайно услышал, как его сестра пару дней назад, болтая со своей подругой по телефону, спросила:

– А почему так называется? Там ворон полно, что ли? Я боюсь ворон!

Лиза и Леонтий переглянулись. Первая мысль была – речь идет об одном из трех Воронежей: так – Воронеж первый, Воронеж второй и Воронеж третий – назвались три села, расположенные неподалеку от Хабаровска, на изумительно красивых и высоких амурских берегах. Эти места знали, наверное, все хабаровские школьники, потому что в воронежских лесах находилось несколько пионерских лагерей. Лиза Морозова в свое время тоже там отдыхала: и в «Чайке, и в «Гагарине», и в «Лизе Чайкиной»... Дети удивлялись: отчего места называются Воронежем, хотя ворон там ничуть не больше, чем в других местах? Однако вовсе не в воронах было дело! Просто еще в XIX веке в этих местах поселились переселенцы из Воронежской губернии и основали три села, все называвшиеся одинаково – Воронежскими, различавшиеся только по времени основания: одно раньше, второе позже, третье еще позже. Ну а потом слово «Воронежское» сокра-

тилось до «Воронежа», только и всего.

Если девочки отправились на Воронеж и до сих пор не вернулись, дела могут быть плохи: все-таки зима на дворе, а вдруг они заблудились в лесу? Хотя в тех лесах, строго говоря, заблудиться получится только летом, а зимой они все пронизаны, словно прошиты, лыжными тропами, которые обязательно приведут не в одно, так в другое село, на спортивные базы или напрямик выведут к дороге... Но, возможно с девочками случилось несчастье, они провалились в какую-то яму и не могут выбраться?

Лиза посмотрела на Колю Симонова, который рассеянно вертел в руках учебник литературы за восьмой класс, и вдруг спросила:

– Это Наташин учебник?

– Да, – кивнул мальчик.

– Дай-ка мне.

Лиза взяла книгу в руки – и словно издалека увидела мрачное, занесенное снегом кирпичное строение на высоком амурском берегу, неподалеку от железнодорожного моста. Железная дверь закрывала вход в какой-то подвал, а из-за нее раздавался слабый, обессиленный плач...

Лиза бегом бросилась из квартиры Симоновых, словно не слыша испуганных восклицаний родителей Наташи и второй пропавшей девочки, Тани Сазоновой (обе семьи эти дни держались вместе, не то утешая, не то еще больше расстраивая друг друга), словно забыв о Леонтии Комарове. Не чуя под

собой ног, добежала до отделения и, вскочив в дежурную машину, стоявшую у подъезда, велела водителю немедленно гнать – она так и сказала: «Гнать!» – в район железнодорожного моста: к Вороньему гнезду.

Афанасьич – тогда тоже он дежурил – посмотрел на Лизу не без тревоги: уж очень взбудораженной она выглядела! – но ни слова не сказал, только спросил:

– Так сама и поедешь, Лизавета Алексанна? Без группы?

– Некогда, – отмахнулась Лиза. – Девочки там одни. Никакой опасности нет. Они просто забрели в подвал и не могут открыть дверь. Однако они здорово замерзли и оголодали!

– Во фокусы! – покачал головой Афанасьич. – Это какие в Вороньем гнезде двери вдруг завелись? В этих-то развалинах? Отродясь там никаких дверей не было, я-то знаю! Мой батя покойный с 1936 по 1939 год в военно-строительных частях служил: они башню и строили. Это был такой объект инженерно-технического пользования для обслуживания секретного тоннеля под Амуром. В башне должен был находиться водонапорный котел для откачки воды из тоннеля. Возвели только стены, но строительство остановилось, потому что разведке стало известно, что в Маньчжоу-Го⁴ башню знают и даже отмечают как ориентир для бомбардировки железнодорожного моста. Хотели ее разобрать, да тут война началась

⁴ Маньчжоу-Го – марионеточное государство, образованное японской военной администрацией на оккупированной Японией территории Маньчжурии. Государство Маньчжоу-Го существовало с марта 1932-го по август 1945 г.

– и о секретном объекте забыли. До начала шестидесятых здание было законсервировано, потом ограждение сняли, ну, окрестные жители начали башенку потихоньку растаскивать на кирпичи. Вот тогда я там и побывал с друзьями. Дверей там не успели нацепить, точно тебе говорю, а если и успели, их ушлые люди первыми сняли. Так и зияли проемы, ветер сквозь них лётывал.

– Лётывал-улепётывал, – пробормотала Лиза, чтобы не возразить пылко: «Но своими глазами видела эту дверь!» – Ладно, посмотрим! Ты, главное, Афанасьич, гони! До темноты надо успеть.

– Ага, вот вечно ты так – вскочила да побежала, а потом: «Гони, Афанасьич!» – усмехнулся водитель. – А уже на часах пять тридцать, вот-вот смеркнется да стемнеет. Собралась бы группа на тройке машин, осветили бы всё там фарами, в том гнезде, ну и нашли бы девок спокойно.

– Они почти двое суток там, без еды, а на дворе январь, – сердито напомнила Лиза. – Тут в самом деле промедление смерти подобно. И когда ты, Афанасьич, видел у нас в отделении сразу три свободные машины? Да и если приедем туда в темноте, там прожектора серьезные понадобятся, не то что от наших «уазиков». Но вообще-то ты прав. Я вот что сделаю. Я сейчас по рации вызову наших и попрошу, чтобы они напрягли воинскую часть, которая там по соседству находится. Пусть пригонят несколько грузовиков с мощными прожекторами.

Она только протянула руку к рации, как та зазуммерила. Лиза сняла трубку и услышала голос дежурного:

– Товарищ старший лейтенант, сейчас поступил звонок: девочки нашлись! Их в тринадцатую больницу везут, на Тихоокеанской которая, она ближе всех.

– Нашлись? – озадаченно повторила Лиза. – Как? Сами?

– Там случайно оказалась одна женщина – врач из психиатрической лечебницы, Абрамова Людмила Павловна. Она фотограф-любитель, приходила в Воронье гнездо зимний закат снимать. И услышала крики, доносящиеся из подвала. У нее был с собой большой фонарь, она спустилась и нашла девочек. Одна ногу подвернула, идти не могла, вторая хотела пойти за помощью да заблудилась в лабиринте, еле-еле смогла вернуться к подружке. Абрамова их вывела, посадила в свою машину – у нее «Волга» – и теперь везет в больницу.

– Поняла, – озадаченно проговорила Лиза. – Хорошо, мы сейчас тоже едем в эту больницу.

Она повернулась к Афанасьичу, однако мембрана трубки резонировала так, что водитель и сам все слышал. Взглянул на Лизу – и развернул «уазик».

– Я ж говорил тебе, что там никаких дверей нету, – сказал он весело. – Но ты, Лизавета Алексанна, всежки умница! Лихо про Воронье гнездо угадала!

Афанасьич был самым старшим в Кировском отделении милиции, а оттого держался с «молодняком» по-отечески, тем более с «девочкой Лизой», как он про себя называл Ли-

зу Морозову. К «девочке» он относился с огромным уважением, например, потому, что она угадывала марку оружия, которым был убит человек, раньше всяких экспертов-баллистов – едва видела входное отверстие в теле. Бывало, какие бы шестерки ни мельтешили, пытаюсь закрыть туза и запутать дело, она видела виновника сразу, насмешливо отменяя все побочные версии преступления. Как-то раз она умудрилась разглядеть изображения на намертво, казалось, засвеченной пленке, едва взглянув на нее. Потом спецы что-то с этой пленкой сделали – Лиза Морозова, как выяснилось, угадала правильно... Случаев таких было немало. Ей случалось так блестяще и стремительно раскрывать дела, что сам начальник отделения выразился однажды, когда она почти вмиг распутала клубок, запутанный года два назад: «Я от изумления чуть окурок не проглотил!» В Управлении ее характеризовали так: «Умница, предпочитает остроумные, молниеносные комбинации». Правда, скептики поджимали губы: «Все это напоминает гадание на кофейной гуще!» Им резонно возражали: «Даже если и так, она всегда угадывает!» Из-за таких «догадок» Лизе и было досрочно присвоено звание старшего лейтенанта.

Но угадывала она не всегда. За последний год попадались случаи, которые иначе, как необъяснимыми странностями, назвать было нельзя. В них не было никакой логики. Как правило, виновниками оказывались сумасшедшие – или след преступника необъяснимо исчезал.

Афанасьич знал, что «девочка Лиза» воспринимает всякую общую неудачу как вызов лично себе, а случаи эти собирает в особую «Копилку странностей», намереваясь распутать их, когда не будет доставать постоянная текучка, хотя в такую перспективу – в смысле, отсутствия текучки – верится с трудом. До Афанасьича уже дошли слухи о странной смерти задержанного в КПЗ, которая случилась вчера, и он не сомневался, что «девочка Лиза» занесла его в свою «копилку» и рано или поздно распутает и его, и все другие подобные «странности». Афанасьич с удовольствием поговорил бы об этом, посочувствовал бы «девочке Лизе», но сейчас, он отлично понимал, ей нужно не сочувствие, а одобрение, а потому и сказал, что она умница и верно угадала про Воронье гнездо, хоть и в самом деле никаких дверей там нет.

Лиза растерянно смотрела перед собой, на белую заснеженную дорогу, убегающую под колеса «уазика». Некоторое время назад, взяв в руки учебник Наташи, она ясно увидела металлическую дверь, в которую отчаянно бились девочки! Что, почудилось?.. Но ведь Воронье гнездо ей не почудилось! Почему же дверь...

Ладно, сейчас всё выяснится.

Десятая больница находилась на высоком берегу Амура и была окружена парком, прекрасным в любое время года. Над рекой таял великолепный закат, над ним небо быстро наливалось темной синевой, сквозь которую властно пробирался луч первой звезды, и Лиза вдруг мимолетом пожалела

– как часто жалела, глядя на звезды! – что ничего не знает о них. Вот как, например, называется эта прекрасная звезда? Неведомо...

– Кажись, эта «волжанка» и есть, – вдруг сказал Афанасьич, подруливая к серой «Волге», стоявшей у освещенного больничного крыльца.

В кабине, впрочем, никого не было.

Лиза поднялась по ступенькам к двери приемного покоя, как вдруг дверь распахнулась и навстречу быстро вышла миниатюрная женщина в мягкой темно-коричневой дубленке, отороченной ламой, и сапожках на высоченных каблуках.

Ого! Или постоянная посетительница знаменитой барачки на Судоверфи, где периодически покупает себе вещи Лиза Морозова, или у этой дамы имеется серьезный блат, скажем, в «Военторге», или в крайкомовском распределителе, или она вообще вхожа в «Березку»... а может, у нее есть знакомые фарцовщики.

Женщина остановилась на верхней ступеньке, преграждая Лизе путь. Она была гораздо ниже ростом, но сейчас их лица находились на одном уровне.

Она была очень красивая. Очень! Этакая маленькая, хотя и несколько полноватая куколка с точеными чертами лица и прекрасными голубыми глазами.

Сколько ей лет, интересно? На самом деле можно дать и двадцать, и сорок, и пятьдесят.

«Какая-то прямо Эмилия Марти! – с неожиданной непри-

язнью подумала Лиза, вспомнив недавно прошедший фильм по телевидению «Рецепт ее молодости». – Тоже небось средство Макропулоса имеет!»

– Вы из милиции? – спросила женщина удивительно мягким, как бы мурлыкающим голосом. – Я видела, как вы вышли из «уазика». Я – доктор Людмила Павловна Абрамова. Это я нашла девочек.

– Старший лейтенант Елизавета Морозова, – представилась Лиза, которую вдруг начало познабливать.

– Я так и думала... – очень тихо сказала доктор Абрамова и пристально взглянула на нее.

Почудилось, эти ярко-голубые глаза не просто прилипли к лицу и телу, но и покрыли всю Лизу плотной, почти воздухо непроницаемой пленкой! Стало душно, несмотря на мороз, и она, почти безотчетно распахнув дубленку, коснулась крошечного старинного китайского кулона (на халцедоне – обычном халцедоне, которые в изобилии выносит Амур на свои пляжи и которые называются просто «кремушки», изумительно тонко нарисован свившийся в кольцо дракон, лежащий на лепестках хризантемы), который подарила ей когда-то мать и который Лиза носила не снимая – и из-за редкостной красоты его, и потому что это был подарок матери, а ведь невозможно перестать любить свою мать, что бы она ни совершила!

Стоило Лизе коснуться кулона, как вспомнилось: вот она, еще девчонка лет пятнадцати, и ее любимая тетя Женя, ко-

тору ю Лиза не могла называть иначе чем просто Женька и которая была ей скорее близкой подругой, чем старшей родственницей, но была также и учительницей, – вот они сидят, прижавшись друг к другу, на старом, продавленном и ободранном тракторном сиденье, невесть как и когда попавшем во двор дома на Театральной, где тогда жили Морозовы... сиденье широкое, как диван, от него приятно пахнет мазутом и солнцем... и Женька очень серьезно говорит:

– Если кто-то пытается подчинить тебя своей воле, глядя тебе в глаза, не пытайся ответить тем же. Это приведет лишь к изнурительной борьбе, из которой тебе вряд ли удастся выйти победительницей. Лучше не отрываясь смотри в место над основанием его носа и бровями. В точку третьего глаза. Если смотреть как надо, этот человек и ослепнуть может.

– А как надо смотреть? – жадно спросила тогда Лиза, которая хотела знать как можно больше, еще не задумываясь над тем, что не всегда стоит применять свои знания на практике.

– Об этом потом, – покачала головой Женя. – Тем более что я сама не умею так смотреть. Такое впечатление, что раньше умела, а потом почему-то разучилась. Я, кажется, даже в раннем детстве умела больше, чем сейчас! Потом кое-что потеряла, когда... впрочем, это долгая история. А потом еще больше потеряла, только вроде бы без всякой причины. Поехала в командировку на гидрографическую станцию на

Охотское море, и там что-то такое произошло... не помню. Но я уже стала другой. Впрочем, куда это меня занесло? Я ведь о защите. Запомнила?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.